

ТАТЬЯНА ОСИПОВА

СЕРЫЙ РАССВЕТ

Татьяна Осипова

**Серый рассвет.
Фантастический боевик**

«Издательские решения»

Осипова Т.

Серый рассвет. Фантастический боевик / Т. Осипова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904921-6

Мир перевернулся. Война, нашествие инопланетян или какие-то испытания? Шестнадцатилетний подросток Леха вместе с друзьями пытается добраться до места, незатронутого апокалиптическими событиями. На пути их подстерегает смертельная опасность, которой оборачиваются столкновения с мутантами, климатические изменения. Надежда ведет Леху и его друзей, они верят в то, что им удастся разгадать секреты проекта «Серый рассвет» и выбраться из Зоны отчуждения.

ISBN 978-5-44-904921-6

© Осипова Т.
© Издательские решения

Содержание

Фантастический боевик	6
Глава 1 Новая реальность, или как я познакомился с лучшим другом	7
Глава 2 Эксперимент, или Новая семья	19
Глава 3 Зона отчуждения	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Серый рассвет Фантастический боевик

Татьяна Осипова

Редактор Вера Дашкова

Дизайнер обложки Александр Козин

Корректор Вера Дашкова

Иллюстратор Александр Козин

© Татьяна Осипова, 2018

© Александр Козин, дизайн обложки, 2018

© Александр Козин, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4921-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фантастический боевик

Меня зовут Алексей Маркин, и все, что случилось со мной и друзьями за последние четыре года, я записывал в тетрадь. Одну, другую – их накопилось много, приходилось шить зеленые школьные тетради в клетку, в линейку, чтобы не потерять ни одной страницы этой истории.

Писать дневник пришлось оттого, что хотелось поделиться страхами, впечатлениями, успокоить себя, что все будет хорошо и я смогу выбраться из этого ада. Однако когда я встретил Жеку, вести дневник уже стало привычкой, по-моему, хорошим занятием для анализа прошлого. Получилась такая летопись, ведь записи я вел на протяжении нескольких лет – на момент начала мне было всего шестнадцать. Но, перечитывая пожелтевшие, местами испорченные страницы потрепанных тетрадок, я понимаю, что делал это не зря. Наверное, все, что мы делаем в этой жизни, обретает очертания совершенно не в тот момент, когда нам этого хочется, а порой слишком поздно, но мы не боги, чтобы управлять временем, законами природы и судьбами, – нам бы со своей справиться. Тем не менее мы пытались изо всех сил.

Глава 1 Новая реальность, или как я познакомился с лучшим другом *10 июля 2020 года*

Сейчас я скучаю по небу. Это становится уже навязчивой идеей. Смеюсь, вспоминая, как раньше любил смотреть на пушистые облака. Они плывут по голубому своду, похожие на маленьких барашков. Ночью небо мерцает звездами...

Кажется, это было так давно... Столько воспоминаний, и только сейчас, когда этого прекрасного и необъятного мира больше нет, а вместо утренней зари в души смотрит серый рассвет, я начинаю понимать и ценить, что было еще несколько дней назад.

Днем небо еще темное от поднявшейся пыли, которая плотным покрывалом, точно саваном, окутала землю. Ночью становится темно, словно находишься на дне самого мрачного и глубокого колодца. Помню, как огляделся; мысли прервали шаги отца – он тяжело дышал, с болью таща за собой раздробленную ногу. Опираясь на костыль, который я сколотил из обломков, он мог передвигаться, медленно, но без единого намека на то, чтобы пожаловаться. Однако без медикаментов стало совсем плохо. Рана на ноге начала гноиться, угрожающе вспухнув и превращаясь в синюшную гангрену.

– Я знаю, что если мы дойдем, сынок, нам помогут.

– Дойдем куда, пап?! – Я не выдержал и поддал ногой рванный кожаный мяч, что попался мне под руку, точнее под ногу. Мяч, который раньше видал лучшие времена и, возможно, не раз влетал в ворота на футбольном поле, – мы уже идем вторые сутки после взрыва и до сих пор не знаем, на правильном ли пути. И вообще что произошло!

– Успокойся, Леш, – улыбнулся отец какой-то вымученной улыбкой и, опустившись на бетонный блок, поморщился. – Как ты думаешь сам, что случилось?

– Наверное, война, – нерешительно промычал я. Ведь был почему-то зол на отца, возможно из-за того, что он продолжал верить в наше счастливое спасение. А мне все это казалось бредом собачьим и сказками для умирающих. У них не было дома, еды, смысла в жизни. Смысл оставался только один – выжить и найти мифическую базу.

– Судя по обломкам, – беспристрастно продолжил отец, – взрыв был очень сильным, посмотри. – Он показал рукой назад. – Видишь, там, откуда мы идем, именно в той стороне эпицентр. Возможно, это была ядерная атака.

– Это вообще уже пипец, – поежился я. – Так значит, вокруг радиация?

– Не могу сказать, Алеш, у меня же нет счетчика Гейгера, – улыбнулся отец.

Почему он улыбается? Как можно вообще чему-то радоваться сейчас?!

Это было в последний раз, когда я видел отца смеющимся перед началом конца того, что раньше было нашим миром.

Теперь мир принадлежит другим.

Позже я узнал, что это был не ядерный взрыв, а новое экспериментальное оружие, и самое страшное – взрыв оказался не единственным. Но тогда все считали, что это ядерная атака и после массовой гибели начнется радиационное излучение. Мы не могли связаться ни с кем, найденный передатчик отвечал гробовым молчанием, вся электроника сгорела, одна надежда была на военных, которые выжидали чего-то. Об этом я узнал немного позже, и от воспоминаний до сих пор холодеют руки и ком подступает к горлу.

Воспоминания – они всегда со мной, как верные оруженосцы. Я помнил, как к ночи стало совсем холодно, с помощью зажигалки отца мы быстро разожгли костер и, закутавшись в найденное тряпье, постарались хоть немного согреться и поспать. Что меня удивило – вокруг ни одной живой души, казалось, мы остались одни на всем земном шаре, и от этой мысли ста-

новилося по-настоящему жутко. Я проснулся от скрежета и, открыв глаза, понял, что отца рядом нет.

Сбросив с себя рваное тряпье, вскочил на ноги и хотел позвать его, но увидел стоящим на четвереньках, изогнувшимся странным образом. Он рычал и поскуливал, словно собака, и грыз зубами свою покалеченную ногу.

Я почувствовал, как страх липкими пальцами прикоснулся к моей спине, тошнота подкатила к горлу, и по какому-то непонятному мне чутью я понял – нужно уходить и как можно тише. Огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь, что смогло бы защитить меня от существа, в которое начал превращаться мой отец. Медленно, боясь оступиться или наткнуться на что-нибудь, я отходил назад, в темноте покрываясь испариной. Казалось, это сон, я не мог поверить глазам – все казалось ночным кошмаром, вызванным страхом и голодом. Это не могло быть реальностью. Не имело права быть ей!

Где-то наверху что-то зашелестело, точно птица вспорхнула. Отец поднял глаза к небу, потом подернул носом, словно собака; порыв ветра дунул в мою сторону, и отец снова принялся выгрызать куски гниющей плоти с ноги. Я спрятался, боясь пошевелиться; он не видел меня, меняясь на глазах. Я не успел даже пофантазировать, что будет потом, и увидел метаморфозы своими глазами, отступая назад к выходу, понимая: развалины больше не были нашим убежищем.

Черты его лица потеряли человеческий облик. Мне было невыносимо смотреть на то, что происходит с ним, но страх оказаться рядом был сильнее жалости. Происходила медленная трансформация человека в странное существо с вытянутой мордой и впалой грудной клеткой. Его руки удлинились, на пальцах, вдоль фаланг, стали появляться наросты типа когтей. Эти наросты были похожи на шипы. Точно такие же появились на шее и спине, а ноги стали похожи на собачьи лапы, из обрубка вылезла кость, которая сразу же стала обрастать мышцами.

«Что за хрень?» – не мог понять я. На моих глазах отец, с кем мы несколько часов назад шутили и размышляли о том, как выбраться отсюда, стал мерзким монстром. Он хрипел, словно что-то хотел сказать, но теперь из его рта вырывалось только сдавленное рычание. Я прислушался и, хотя это было трудно, разобрал: «Есть... Я хочу есть... Как больно!»

Я посмотрел на небо, потом в ту сторону, откуда должно всходить солнце, с надеждой, что это кошмарный сон и он скоро закончится. Будет настоящее солнце, а не серый рассвет, и мне не придется бежать в черноту ночи в неизвестном направлении от монстра, который еще вчера был моим отцом.

Однако нужно было выбираться. Когда мир еще не рухнул, я просто обожал компьютерные игры. Я начал лихорадочно вспоминать все то что мне приходилось испытывать, сражаясь, убегая от монстров или мутантов. Мой отец стал настоящим мутантом, точно из «Зоны», где сталкеры истребляют подобных уродов. С одной стороны, мне было больно, но страх и отвращение взяли вверх. Я понимал, что теперь остался один.

Другого опыта общения с мутантами у меня не было.

Если представить себя участником игры, то только что перерожденный мутант не обладает еще такой силой и быстротой. Я скрылся за темной стеной, не став прощаться – теперь это могло только навредить... И вдруг почувствовал, как слезы побежали по щекам, злился на себя за эту слабость. Если бы сейчас здесь были ребята, то они назвали бы меня слабаком, неудачником... Где же вы, ребята? Я бы все отдал за то, чтобы хоть кто-то из них сейчас оказался рядом. Как можно всегда быть сильным в шестнадцать лет? После случившегося с отцом, с миром окружающим меня на сегодняшний день, голова шла кругом. Осознание полного одиночества и обреченности на смерть или выживания ставило меня в тупик, Я прибавил шаг и старался идти тихо, но быстро, чтоб не привлечь внимания чудовища. Оно злобно выло в развалинах, а я старался уйти как можно дальше.

Серый рассвет освещал все то, что раньше было городом. Я видел дымящиеся руины, и чем дальше продвигался, тем меньше было нанесенного ущерба. Видимо, отец был прав, говоря, что обломки разлетаются от эпицентра взрыва, как и взрывная волна. Не знаю, как насчет радиации, – я себя чувствовал нормально, только очень хотелось есть и пить. Тем не менее когда я обнаружил полуразваленный магазин, то не сразу решился войти туда. Потом, все-таки заглянув внутрь, увидел, что здесь полно всякой всячины.

Как дурак, я начал все хватать с полок и запихивать в рот, попутно запивая лимонадом. Никак не получалось утолить голод – казалось, еда потеряла вкус, и я не мог наесться, пока не почувствовал тошноту. «Дебил. Настоящий дебил!» – мысленно отругал себя и опустился на пол, чувствуя, как стали ватными ноги. Еще немного – и подступившая рвота заставила меня выбежать на улицу, если это можно было назвать улицей, желудок скрутило болью и вскоре его содержимое вырвалось наружу. Я почувствовал, как начала кружиться голова, и, вытерев лицо, прижался к стене. «Сам виноват, – рассуждал я, посмеиваясь над собой, – разве можно так набрасываться на еду?» Есть я вообще больше не мог, только решил немного выпить воды. Стало немного легче, желудок уже не выворачивало. Устроившись на ступеньках, я огляделся по сторонам.

Слабые лучи солнца пробивались сквозь плотный слой пыли. Взрыв оставил после себя покореженные, развалившиеся здания, перевернутые машины, вздыбленное дорожное покрытие с торчащими всюду кусками арматуры.

Это новая реальность.

И мне придется привыкнуть к мысли, что, пока есть в магазине еда, я буду жить. Буду ночевать среди полок, заваленных печеньем, тушенкой, макаронами, буду есть, пока не закончится еда. В какой-то момент я стал себе противен. Нет, так не должно быть – я не должен умереть здесь, когда кончатся килограммы чипсов, сухих макарон, печенья и литры сока, колы и всякого дерьма, которое годами не портится. Половина через пару недель, без электричества, начнет тухнуть, если уже не испортилась. Я снова почувствовал приступ тошноты, собрался с мыслями и решил, что нужно двигаться по плану, как говорил отец, – на север.

Весь день я ходил по окрестностям в поисках чего-то похожего на рюкзак, чтобы сложить туда припасы, прежде чем отправится в путь, и мне улыбнулась удача. Хотя это было отвратительно – снимать его с мертвого человека. Однако рюкзак был отличный, внутри – разбитый ноутбук, телефон, который уже был никому не нужен, несколько исписанных тетрадей. Студент, принявший смерть, повис на арматуре. Она проткнула его, и я уверен, это было очень больно. Я оставил себе одну из тетрадей и ручку, решив, что с сегодняшнего дня начну вести дневник.

Только сейчас понял, сколько вокруг погибших; тела были покрыты слоем пепла и, казалось, сливались с обломками. Почему я не чувствовал раньше этот сладкий запах? Тишина пахла смертью и разложением. Я закрыл лицо руками, сейчас я понял, какая вокруг невыносимая вонь. Мне захотелось поскорее убраться отсюда, и поэтому я начал сборы. Быстро прокручивая все в голове, решил первым делом двинуться в сторону военной базы, о которой говорил отец. Где это находится, было трудно понять, но найденный в одном из магазинов компас указывал точное направление моего пути на север. Разорвав пакет, я вынул оттуда новенькую бандану и повязал лицо, закрыл нос и рот. Так запах смерти просачивался гораздо медленнее. Тишина просто резала уши: ни птиц, ни собак, вокруг только звенящее безмолвие и звук моих шагов по усыпанной обломками дороге.

13 июля 2020 года

Чем дальше я продвигался, тем меньше видимых разрушений, однако люди мне до сих пор не попадались, хотя и трупов на дороге стало не так много, как в начале города. Забе-

жав в один из магазинов, я выбрал понравившийся мне дисковый плеер – отвык от таких, но при умершем электричестве МРЗ-шник был бы бесполезным. Собрав кучу батареек и взяв парочку дисков с любимыми песнями, направился снова в дорогу. Воткнув в уши один наушник и включив плеер, я окунулся в те дни, которые сейчас можно назвать прошлым. Хотелось полностью погрузиться в музыкальный кайф, но я должен был смотреть по сторонам и быть готовым, если кто-то появится рядом.

По ушам ударил тяжелыми аккордами «Последний закат» легендарной группы «Ария». Именно сейчас такая музыка была как нельзя кстати:

Свинцовой тучей тяжелеют небеса,
И воздух плавится от слов непримиримых богов.
Догорает фитиль...
Восточным эхом долетают голоса,
Они толкают Землю встретить столкновение миров.
Серый пепел и пыль...
А пока книгу листает Смерть.
Живое солнце или мертвая луна?
Цивилизации стоят лицом к лицу,
У черты, за которой война.
А пока книгу листает Смерть
Все быстрее и быстрее.
Столпом огня и серы
Мир взлетел на воздух,
В чудо верить
Никогда не поздно.
Режет небо
Страшный вой молитвы,
Эхом гудит набат. Последний закат! Закат!

С музыкой было веселее, если мое путешествие можно назвать веселой прогулкой после всего того, что произошло за эти недели. Я был рад даже голосу из наушников и прибавил шаг.

Восстанет истинный в огне Армагеддон,
Волной бессмысленной пройдет по миру
Атомный смерч, все сжигая дотла.
Подует темный ветер с четырех сторон,
Он принесет с собою радиоактивный туман
И дыхание Зла.
А пока книгу листает Смерть
Все быстрее и быстрее.
Столпом огня и серы
Мир взлетел на воздух,
В чудо верить
Никогда не поздно.
Режет небо
Страшный вой молитвы,
Эхом гудит набат.
Последний закат!
Закат!

27 июля 2020 года

Сумерки выползли из-за руин. Я оглядывался по сторонам в поисках места для ночлега. Здания здесь почти не разрушены, и отсутствие людей казалось по меньшей мере странным и немного пугающим. Поднявшись на второй этаж пятиэтажки, я увидел, что дом покидали в спешке. Всюду разбросаны вещи, книги, детские игрушки. Потом я увидел следы крови, которые тянулись с третьего этажа, и, поднявшись туда, обнаружил убитого военного. Рядом валялся АК-74 – пришлось отодвинуть его ногой от лежащего рядом мертвого солдата. Огляделся и осторожно поднял автомат. Раньше никогда не испытывал интерес к оружию, и даже в армию идти совсем не хотелось, но теперь был совершенно другой расклад. Кое-как сообразил, как отсоединить рожок, и, проверив его, понял – магазин почти полон. Хорошо было бы потренироваться, но не хотелось поднимать ненужного шума. Тем более в этой тишине, где, казалось, за мной наблюдают (мои догадки подтвердились, но об этом немного позже).

Обшарив весь подъезд, я нашел еще несколько убитых и, взобравшись по лестнице на чердак, вылез на крышу. Стало совсем темно, и холодный ветер трепал волосы; что-то попало в глаз – я пытался вытащить соринку. Ресницы? Я провел рукой по волосам и, взглянув на ладонь, понял, что со мной что-то не так. Мои волосы, точно сожженные, стали ломкими, мертвыми. Стало страшно – я вспомнил отца и его ужасное превращение в мутанта, словно сошедшего с экрана любимой игры. Я смотрел сверху вниз, ощущая запах гари, потом снова взглянул на прядь своих волос в ладони и провел рукой по макушке – ничего. Странно... Вспоминая о трупах внутри здания, не хотелось спускаться с крыши, чтобы переночевать там. Становилось холодно, и я вынул из рюкзака куртку, поняв, что не зря взял ее с собой. Опустившись на теплую кровлю и положив под голову рюкзак, закрыл глаза, ощущая усталость во всем теле. Мне снились отец и мать, как мы вместе едем в машине на море. Это было прошлым летом, когда я впервые оказался в Сочи...

Проснулся от странного звука и, прислушавшись, понял, что внизу происходит какое-то движение. Вынув фонарик, я осветил вниз и увидел, как около дома бродят странные существа. На их деформированных тощих телах были еще остатки человеческой одежды. Они раньше тоже были людьми. Как отец. Походкой ночных животных они легко передвигались вдоль стен и напоминали хищников. Теперь настал их черед, и в этот час, если бы кто-то был со мной рядом, он дрожал бы страха точно так же. Один из мутантов, резко подпрыгнув, уцепился лапами за водосточную трубу и, вскочив на подоконник, залез в разбитое окно первого этажа. Это обстоятельство убедило в правильности выбора ночлега. Однако я посмотрел на металлический люк, через который попал на крышу, и с ужасом понял, что при желании мутанты свободно смогут попасть на крышу. Лихорадочно соображая, я открыл рюкзак, пытаюсь найти что-нибудь способное защитить меня. Не хотелось сидеть и ждать, когда свора этих уродов ворвется на крышу и поужинает мной.

Поднявшись, я подошел к противоположному краю крыши – до следующего дома слишком далеко. Это только в голливудских фильмах главный герой лихо перелетает с крыши одного дома на другую – я знал, что не смогу этого сделать, и долго смотрел вниз, туда, где пировали монстры, не видел, но слышал их чавканье, какие-то странные гортанные звуки, хлюпанье и хруст перегрызаемых костей.

Снова посмотрел на крышу соседнего дома: если получится у меня, что говорить о них? Этот вариант не для побега, да и спрятаться не получится. Где? Я огляделся по сторонам: ну коробки из-под холодильника, но это же несерьезно. Перепрыгнув на соседнюю крышу, я хотя бы получу шанс выжить, а так, сидя в огромной коробке, останется только готовиться к смерти. Они же идут по запаху. А запах у меня был приличный, усмехнулся я сам себе, – столько дней брести по пыльному городу, заваленному трупами, тут запах, я сказал бы, вообще особый и, конечно же, привлекательный для мутантов.

Я решил не ждать и вытащил из рюкзака моток проволоки. Идея пришла случайно, но я понимал, что, задерживая своих недругов, смогу успеть скрыться незамеченным, и это будет

лучше, чем если они увидят меня и поскачут вдогонку. Пока соорудил подобие замка на еще не поржавевших ушках железного люка, прислушивался, словно хотел услышать что-то, хоть и знал наверняка – ничем хорошим это не закончится. Мне вдруг стало ясно, что все будет...

Кто-то с силой рванул люк вверх – цепь мыслей оборвалась, а я решил не шуметь и, тихо подняв с пола кусачки и остатки проволоки, отступил назад.

– Эй, я знаю, что ты там, – послышалось приглушенное снизу. – Открой люк, прошу тебя, иначе... они найдут меня... Ну пожалуйста...

Это был голос парня, возможно моего ровесника, и признаков мутанта в нем не было, по крайней мере тогда мне так казалось. Но, черт возьми, вся проделанная работа пошла насмарку. А что приходилось выбирать? Не мог же я оставить этого недотепу там, на съедение тварям! А они именно этим сейчас и занимались, пока опустошая первые два этажа.

Быстро размотав проволоку, я распахнул люк и увидел парня примерно моего возраста, а может, чуть старше, в глазах которого были страх и одновременно радость, что он не один в этом аду, в который погрузился город или даже весь мир.

– Ты кто? – спросил я, посветив на него фонариком.

– Я Жека... – Он протянул мне руку.

– Леха, – улыбнулся я, хватая его и помогая подняться. Окинув придирчивым взглядом нового знакомого, я с радостью отметил, что на его теле нет повреждений. Я понял, что, если бы не рана на ноге, с отцом, возможно, ничего и не случилось бы. – Ну что встал как вкопанный? – Я бросил ему проволоку. – Давай замотай хорошенечко, и будем надеяться, что таких придурков, как ты, внизу больше не окажется. Лучше бы они все спаслись, эти придурки. – Я зло сплюнул на пол. – Представь, если бы за тобой кто-то гнался.

– Они не заметили меня. Все внизу... жрут, – поморщился Жека.

– Так уверен, герой, что не заметили?

– Надеюсь.

– А что вообще произошло? Что помнишь ты?

– Сначала... взрывную волну помню. – Он опустил на корточки. – Потом крики, суматоха такая, пыль... Военные откуда ни возьмись зачем-то стреляют в нас.

– В вас? – Мои глаза стали похожи на блюдца, как у тех собак из сказки Андерсена «Огниво». – Это были наши солдаты или это вторжение?!

– В том-то и дело, что наши... – Жека приложил палец к губам: – Тихо, там кто-то есть... – Его глаза скользнули по крышке люка. – К сожалению, рано или поздно нам предстоит с ними драться, – прошептал он, – вечно бегать мы не сумеем, они...

– Тихо, – шикнул я на него, опустившись на колени и приложив ухо к люку. Внизу точно было какое-то движение. Потом резкий удар в крышку люка – я подскочил, ухо горело от боли. – Чёрт! Надо уходить... – Новый толчок и утробное рычание.

Мы вместе отступили назад.

– Думаю, сегодня не тот случай, когда с ними нужно драться.

– Угу, – согласился я, – их слишком много... Хотя у меня есть калашник, рожок полный, но... я никогда не стрелял... – Новый удар в железо по люку... – Жека, у нас один путь! – Я мотнул головой в сторону крыши соседнего дома.

– Думаешь, получится? – Жека подбежал к краю крыши.

– Может, если разбежаться... – Я посмотрел на дергающуюся крышку люка, откуда донесся душераздирающий нечеловеческий вопль.

Я почувствовал, как спина стала липкой, и, отступив назад, поднял рюкзак, расстегнул боковой карман и сунул туда фонарик.

– Если мы не сделаем это, то какая нам разница, от чего умирать? – Я почувствовал, как кровь прилила к вискам и какая-то пелена пронеслась перед глазами, но, помотав головой, быстро пришел в себя. – Если останемся здесь, уверяю – смерть будет... более мучительной.

Я взглянул на бледное лицо Жеки, зная его всего несколько минут в этом мире, который сошел с ума. За доли секунды я понял, что мы должны выбраться вместе. Тогда у нас будет шанс остаться в живых.

– Кидаем на ту сторону рюкзак и оружие, а потом разбегаемся и прыгаем вместе, потому, что по одному... это страшно, но еще страшнее остаться здесь, понимаешь?!

Жека подошел к самому краю, и я увидел, что он трясся, словно осиновый лист, однако прошептал дрожащими губами:

– Понимаю... Понимаю, черт побери!

К одиночному реву прибавились еще голоса, если их можно было назвать таковыми; я посмотрел на проволоку, которая еще держала люк, потом на Жеку и кивнул ему. Потом, схватив рюкзак, размахнулся и бросил его на ту сторону, где нас, возможно, ожидало спасение. Светало. Серый рассвет медленно выползал из-за дымящихся руин. Город догорал, словно последний закат нашей жизни, но так не хотелось умирать!

Я услышал, как Жека перекинул на ту сторону калашник, и почувствовал, что пора. Жека смотрел на меня, и эта уверенность, написанная на моем лице, придавала ему сил. Удары участились, проволока начинала растягиваться или рваться, я уже не смотрел – просто разбежался и понесся что есть силы. Молился в душе, чего никогда не делал; о чем просил тогда, уже не помню – наверное, о крыльях, которые на время мог одолжить мой ангел-хранитель. Потом я прыгнул, еле сдерживаясь, чтобы не зажмуриться от страха; Женька не прыгнул – это я понял только после того, как упал и покотился с грохотом и болью по металлическому своду крыши. Поднявшись, я увидел его одиноко стоящего на самом краю.

– Жека! – закричал я. – Давай! Вдвоем мы дойдем быстрее, так будет легче! Не бросай меня, – прошептал я последние слова одними губами. Я не видел его, потому что он скрылся в темноте; надеялся, что он скоро будет возле меня, и, наконец, услышал грохот его ботинок по крыше и крик, громкий до хрипоты, полный отчаяния и страха. – Лети, лети, ты же птица! – крикнул я и увидел его несущегося с того конца крыши, напуганного, с раскрытыми от ужаса глазами. Секунда полета и... крик, скрежет, грохот металлических листов. Я схватил его за руку, другой рукой он хватался за воздух, и мне показалось, что он гораздо тяжелее, чем должен быть парень его роста и возраста. – Давай, еще немного! – Я чувствовал, что не могу удержать его.

Твари вырвались наверх и рычали в злобном бессилии – они не торопились следовать за нами. Этот вой заставил Жеку найти ногами опору и, изловчившись, подтянуться. Я тянул его к себе изо всех сил, и наконец нам это удалось. Обессилевшие, дрожащие от страха и напряжения, мы наконец оказались в безопасности. Мутанты чувствовали нас, но не видели и только нюхали воздух. Вынув из рюкзака автомат, я взглянул на Жеку.

– Ты молоток! Еще чего не хватало – решил там остаться?

– Н-нет, просто я не д-думал, что получ-чится. – Он вдруг горячо обнял меня, больно сжимая в своих тисках.

– Ну, ты это... брось... – Улыбнувшись, я высвободился из его объятий. – Как тут с предохранителя снимать?

– Сейчас. – У него было такое лицо, словно он выиграл большой приз, столько счастья светилось в глазах, а губы еще дрожали. – Вот, держи, – протянул он мне автомат. – Если они только сунутся сюда, стреляй.

– Так и сделаю, – согласился я. – Только, думаю, пока не стоит поднимать шум. Светает, они скоро уйдут.

– Почему знаешь? – склонил голову на бок Жека.

– Не знаю, просто в моей любимой игре было обычно так. Да и вообще в фильмах, в ужастиках всегда нечисть к утру убирается – солнца они не любят.

Жека тихо рассмеялся:

– Ну ты даешь! Это же жизнь, а не компьютерная игра.

– Это жизнь? – Я взмахнул руками. – А разве знаем мы, что вообще было жизнью?

Мутанты на этот раз оставили нас в покое, и половину дня мы проспали на крыше, пока не начался дождь. Мутными каплями он стекал по нашим лицам, мы смотрели на небо и понимали, что это не простой дождь и что, скорее всего, нас ожидает если не смерть, то точно что-то страшное, вплоть до превращения в этих мерзких выродков.

– Я знаю, что после ядерного взрыва идет черный дождь... радиоактивный, – пробормотал я, чувствуя эти проклятые капли на своем лице: на щеках, на губах – словно слезы о разрушенном мире.

– Идем, надо спуститься вниз, – потянул меня Жека за рукав. – Знаешь, у военных, которые в химзащите, есть такие оранжевые коробочки. Там таблетки специальные, они – ну как бы это сказать... от облучения, от всякой заразы химической.

– А ты откуда такой умный появился?

– Я не умный, просто в армии служил, – рассмеялся Жека. – Идем.

– Смысл всего этого лечения? – Я зло посмотрел в сторону – на Жеку мне совершенно не хотелось злиться. – Вчера перед всей этой заварухой я стоял на крыше и смотрел на свои волосы, которые остались у меня в руке, а тошноту периодически чувствую до сих пор. Что это, как не признаки лучевой болезни?

– погоди, – Жека все еще тащил меня вслед за собой, – я знаю, что говорю, потом спасибо скажешь.

– Тоже мне доктор нашелся, – процедил я сквозь зубы, но двинулся за ним – не хотелось мокнуть и зарабатывать себе еще дозу невидимой смерти.

Спустившись вниз, мы зашли в одну из пустующих квартир. Вокруг был беспорядок и сладковатый тошнотворный запах разлагающейся плоти.

– Как закончим, надо будет поскорее уйти отсюда, – сказал я, глядя на Жеку. – Уверен, что начнет темнеть – и твари вернутся доесть остатки трупов. А свежее мясо им понравится куда больше.

– Но куда идти?

– Не знаю, Жека. – Я вынул из рюкзака компас. – Мы с отцом шли на север, и до того, как превратился в монстра, он все твердил, что помощь будет именно там.

– Но как нам узнать, что это так? – Жека, казалось, не верил мне, и это злило, хотя я понимал его опасения и страхи, и поэтому сердиться было глупо.

– Понимаешь, другое направление мне неизвестно, а в стороне, куда показывает стрелка компаса, теплится надежда, что там есть нормальные, живые... люди.

В итоге Жека согласился, выбирать ему, впрочем, было не из чего, и мы отправились на север, по пути прихватив еще припасов, хотя мне казалось, что все это есть опасно и рано или поздно у нас начнутся последствия лучевой болезни.

Жека нашел ту самую оранжевую коробочку и скормил мне добрую часть разноцветных таблеток. Я все время дергал себя за волосы, но они, к счастью, не хотели больше выпадать. Тошнота прошла, и я с облегчением поверил, что не умру: может, все из-за нервного потрясения или там какого-нибудь отравления? В общем, чувствовал себя отлично. Мы по очереди слушали музыку и собирали по пути боеприпасы: патроны, пистолеты, гранат несколько нашли. Жека вытащил запальники и положил себе в карман, сказав, что так безопаснее будет. Нам встретилось несколько разрушенных городков, и самое странное – людей нигде не было. Во всяком случае, живых, а вот трупов было очень много.

У нас с Жекой создалась картина, что военные приехали уничтожить местное население. Зачем это было нужно, мы никак не могли понять, и только догадки будоражили фантазию. Возможно, таким образом хотели предотвратить заражение, убить мутантов и людей, которые смогут обратиться. Думаю, военные выполняли чей-то приказ и что-то вышло из-под контроля.

По ночам мы прятались в подвалах домов. Мутанты выходили на поверхность, когда начинало темнеть. Все шло словно по сюжету знакомой игры: ядерный взрыв, мутации от выброса какого-то вируса. У нас с Жекой, видимо, был иммунитет, поэтому мы и остались живы.

6 августа 2020 года

По дороге к военной базе – а шли мы именно туда – мы обзавелись картой, еще парочкой пистолетов и еще одним калашником, собрали патроны, гранаты – у мертвых можно все это забирать без их согласия, вот и приходилось обшаривать убитых военных. Теперь мы напоминали террористов-смертников, и наши рюкзаки стали невероятно тяжелыми, однако бросать оружие мы не собирались – мы бы лучше избавились от лишней банки тушенки... Хотя, конечно, это я загнул... Ну мужики мы или нет, хоть нам и было тогда всего-то... мне – шестнадцать, а Жеке – девятнадцать. На машине мы бы добрались быстрее, но ничего в рабочем состоянии не попадалось на глаза, да и дороги были больше похожи на полосу препятствий: вздыбленный асфальт, куски арматуры, мусор и всякая всячина.

Неба так и не было видно: плотный слой то ли облаков, то ли пыли постоянно создавал ощущение пасмурной погоды. Когда мы оказались за городом, то смогли немного вздохнуть – здесь воздух был чище, однако к вечеру мы поняли, что здесь находимся в большой опасности, и не только от людей-мутантов.

Разведя костер, быстро поужинали и внимательно осмотрели окрестности окружающего нас леса. Он оказался редким, и любая проскользнувшая тень не смогла бы укрыться от нашего взгляда. Ночевать решили забравшись на дерево, выбрав наиболее старое, кряжистое, с удобными ветвями. Закинули вещи повыше, оставив только несколько стволов, и, не став тушить костер, полезли наверх, в надежде спокойно переждать ночь.

– Ты думаешь, это хорошая идея – не гасить костер? – спросил я друга.

– Ну, – пожал он плечами, – костер будет отпугивать зверей...

– Это ты «В мире животных» посмотрелся? – усмехнулся я. – Думаю, наоборот, это привлечет наших хищников...

– Тихо! – Жека приложил палец к губам. – Ты это слышал?

Я напряг все свои органы чувств и понял: теперь мы в лесу не одни. Странные существа ходили вокруг костра, их становилось больше, в отблесках пламени мы видели их морды – то ли волков, то ли собак. Шерсти на них почти не было, и красное мясо, торчавшее из-под клочков шерсти уродливыми наростами, казалось, причиняет существам нестерпимую боль.

Когда костер потух, твари еще долго ходили возле дерева, словно чувствуя нас, поднимая страшные морды, нюхая воздух. С замиранием сердца мы просидели на дереве до самого утра, не сомкнув глаз. Потом, дождавшись рассвета, решили, что лучше не идти через лес, тем не менее пришлось сделать это, чтобы не давать большого крюка.

В лесу было жутко и странным образом тихо. К полудню, когда стало совсем жарко, мы обнаружили еще теплый костер, и Жека сказал, что наверняка рядом должны быть люди. Это воодушевило нас, и мы, прибавив шагу, двинулись вглубь леса, надеясь, что прекрасно разбираемся в следах. Сейчас смешно вспоминать, как мы, словно следопыты, думали, что, пройдя не одну компьютерную игру, мы способны выиграть и эту партию.

– Ты понимаешь, что если мы не одни и есть выжившие, это все меняет? – вполголоса сказал Жека.

Он говорил тихо именно потому, что в лесу стояло безмолвие и разговаривать казалось невероятным преступлением.

– Понимаю. Но и не все выжившие – люди, – оборвал его я. – Мы тешим себя надеждой поскорее увидеть людей, но если их так легко найти нам, почему ты так уверен, что мутанты не найдут их первыми.

– Я просто о костре подумал. – Жека осекся и, немного помолчав, добавил: – Понимаешь, я не думаю, что эти твари умеют костер разжигать. Зачем им это?

– Тихо! – Я приложил палец к губам. – Ты слышал?

Жека вытащил пистолет и, вопросительно посмотрев на меня, пожал плечами. Пока мы пробирались сквозь разрушенные поселки, из нас вышли отменные стрелки. Мы стреляли во все: в манекены, в пустые бутылки из-под колы и пива, во все, что нам казалось живым, кроме, конечно, людей. Однако живых не было точно.

10 сентября 2020 года

Я не считал дни. Они были похожими один на другой, каждый новый рассвет благословлял на новую жизнь, и это было здорово. Мы живы-здоровы, что было в те дни самым главным. Двигаясь к призрачной цели, мы нашли свой смысл в жизни и верили, что у нас все получится.

Я все записывал в тонкую зеленую тетрадь, которая почти закончилась. Мелкий неровный почерк – свидетельство нашего долгого путешествия. Закрыв глаза, немного поерзав, и, поудобнее устроившись, лег на сухие листья. Нужно было спать. Жека дежурил, считал патроны, а я проваливался в дрему без сновидений.

Тычок Жеки в бок, тихий голос. Я услышал, как кто-то приближается, раскрыл глаза и чуть было не подпрыгнул. Как эта тварь могла так близко подойти?! Мутант был один и, щурясь, рассматривал нас. Казалось, он не представлял опасности, но мы все-таки взяли его на мушку – ну чтобы спокойнее было.

– Уходим, – процедил я сквозь зубы, но Жека был настроен на то, чтобы немедленно пристрелить урода. – Я не хочу шумом привлечь остальных, – я понизил голос почти до шепота и, посмотрев на то, что раньше было человеком, увидел болтающуюся на его худых бедрах сумку моего отца.

Сердце забилось, словно это нечто могло оказаться им. Чудовище, почувствовав мой страх, повело носом и протянуло руку с безобразными пальцами. Я отпрянул назад, пытаюсь сохранять самообладание, но это плохо получалось. Смотря в глаза мутанту и переводя взгляд время от времени на часы, которые были у него на клешне, я все больше убеждался в том, что когда-то этот мутант был моим отцом.

– Леха, ты чего? – Жека непонимающе посмотрел на меня. – Почему бы нам просто не прикончить гада? – он вытащил из кармана складной ножик и кинул его мне. – Чего ты ждешь?

– Я не понимаю, почему мутанты стали появляться и при свете дня, – сказал я, наблюдая, как между нами и мутантом медленно, но верно сокращается расстояние. – Не могу...

Я чувствовал, как пот заливает лицо... У мутанта – глаза отца, которые смотрят странно, болезненно: не так рассматривают потерянного сына, не с таким взглядом жалеют о смерти своего ребенка. Так смотрят на мясо, на еду.

– Есть... – прохрипело существо, внезапно оскалилось и с неизвестно откуда взявшейся яростью кинулось на меня.

Выставив руку вперед, я проткнул мутанта ножом и почувствовал, как его теплая кровь брызнула мне на ладонь. Монстр удивленно посмотрел на меня, потом ощерился и бросился снова, ясен пень, не с добрыми намерениями. Тут уже Жека решил, что маскироваться и так поздно. Мутант пытался укусить меня, но Жека, не выдержав, все-таки выстрелил моему бывшему отцу в голову, аккуратно промеж глаз. Потом мы поняли, что именно так возможно быстро и легко убить выродков, которых и простые-то пули не всегда берут. Нас удивило то, что выстрелами мы не привлекли внимание других его сородичей по крови, словно он шел по нашему следу один, в надежде полакомиться собственным сыном. Меня передернуло.

– Жека, я очень боялся встретиться с ним после того, как увидел все это... словно в дешевом фильме ужасов... Мой отец переродился из человека в существо, которое и мертвое вызы-

ваит ужас и отвращение. – Я не решался подойти к нему ближе. – Если быть честным, то я хочу немедленно убратсья отсюда.

– Погоди, у него какая-то сумка. Что в ней, не знаешь?

– Да ничего особенного, Жень. Пойдем – впереди лес, и мы должны организовать хоть какой-то привал. Жека, посмотрев на мутанта, ткнул его ботинком и, убедившись, что тот не подает признаки жизни, перерезал ремешок на сумке, решив все-таки осмотреть ее содержимое. Как я и думал, там ничего не было. А что я вообще хотел там увидеть? Ключ от двери, ведущей в безопасное место? Сейчас, по меньшей мере, это было просто смешно.

11 сентября 2020 года

Лес, куда мы забрели, был гораздо гуще того, где мы ночевали впервые. Мы не стали разводитть костер, а начали искать более-менее удобное для ночлега дерево. Протяжный вой заставил нас замереть и прислушаться.

– Такое впечатление, что здесь просто некуда забратсья... – начал было Жека, как вдруг из ближайших кустов на нас выскочила тварь-полусобака.

Она не стала дожидатсья, пока мы выстрелим, а просто набросилась на меня, повалив на траву и прижав к земле когтистыми лапами. Я был уверен, что это конец, забыв, что не один. Ее горячее зловонное дыхание заставило зажмуритсья. Грянул выстрел, и чудовище, взвизгнув, отлетело в сторону. Я посмотрел на Жеку, который, протянув руку, помог поднятсья, и мы бросились бежать. Глухое рычание оповестило о том, что это еще не победа, – я отчетливо слышал звук ломающихся веток и приближение своры.

Не успев подхватить тяжелые рюкзаки, с одним пистолетом мы понеслись что есть мочи по лесу, натыкаясь на пеньки и ветви негостеприимного леса. Жека стрелял гораздо лучше меня, и об этом говорили предсмертные вопли что собак-мутантов. Несмотря на то, что у нас было оружие и это все же лучше, чем отбиватсья палками, мы проигрывали. Неслись сквозь кустарник, понимая: нам просто некуда бежать и негде скрытсья от преследователей. Собаки гнали нас как дичь, которая, обессилев, упадет рано или поздно и не сможет сопротивлятсья. Хорошая тактика.

Самое странное, чего ни я, ни Жека не могли ожидать, так это открывшийся на нашем пути люк, замаскированный травой и мхом – не каждый следопыт обнаружит. Парень в камуфляжном прикиде махнул рукой. Другого выбора не было, во всяком случае лицо у него было человеческое, и это обнадеживало. Когда крышка люка захлопнулась, мы услышали над головой топот ног и рычание хищников, которым сейчас принадлежал лес. Они рыли когтями землю, но не смогли пробратсья внутрь.

Новые хозяева планеты – одни городов, другие лесов и степей, все, кроме человека разумного – умудрились приспособитсья и выжить на выжженной земле, являвшейся теперь адом. Когда мы немного перевели дыхание, незнакомец, не говоря ни слова, показал жестом следовать за ним.

Это место чем-то напоминало военный бункер. После земляного туннеля появилась бетонная дверь-стена, которая медленно открылась, после того как парень набрал нужную комбинацию на миниатюрном табло. Так мы и оказались в Бункере. Не знаю, как отец узнал о нем и откуда вообще у него была информация, что нас ждут там. Теперь я уже вряд ли узнаю. Молчаливые солдаты не обращали на нас внимания, словно мы были мебелью, а мы не решались задавать вопросов или даже просто заговорить друг с другом. Вскоре нас проводили в место, которое скорее напоминало помывочный цех, а не душ, где вместо воды пошел газ с отвратительным запахом. Воду мы увидели немного позже, когда прошли полную дезинфекцию и нам разрешили устроитсья вместе с остальными выжившими, что обитали в подземном бункере. Старая одежда была заменена обыкновенной камуфляжной формой, словно нас приняли в эту большую солдатскую семью с молчаливым согласием большинства. Оружие конфисковано,

и мы, как младенцы, нагими вступили в новый мир, где пахло хлоркой, сырой землей и еще едой. Она готовилась и пахла очень вкусно. Потом несколько врачей осмотрели нас и не нашли никаких признаков мутаций... Это я уже шучу, на самом деле я не знаю, чего хотели от нас эти люди в белых халатах. Вскоре нам надоело их гробовое молчание, и я первый нарушил тишину этого глухонемого лагеря выживших.

– Что тут происходит? Что это вообще за место?

– Ну слава богу, – усмехнулся Жека. – Ты это сделал! – Он, рассмеявшись, посмотрел на человека в белом халате.

– Ну, молодые люди, если вы еще способны шутить, значит еще не все так плохо. – Хмурый доктор, скрестив руки на груди, посмотрел на меня в упор. Потом нас вкусно и сытно накормили и показали комнату, где, как оказалось, мы будем теперь жить. Пока никаких ответов на вопросы – как потом выяснилось, чтобы не травмировать нашу детскую психику. Нашлись тоже мне травматологи-психологи.

За эти месяцы мы повзрослели достаточно, чтобы спокойно пережить не одно нашествие мутантов и не один, наверное, ядерный взрыв. Одно было ясно наверняка – что мира, который мы знали, который любили и ненавидели, больше нет. Нам не сообщили, кто был инициатором мировой катастрофы, да и в принципе нам было уже все равно. Мы знали, что пройдет время – и именно нам предстоит бороться за выживание на планете Земля, против тех, кто когда-то тоже были людьми.

31 июля 2020 года

Кабинет Романова Виталия Андреевича.

Запись с камеры видеонаблюдения

– Кристина, ну ты понимаешь, мы не можем остановить эксперимент? – Отец с горечью посмотрел на нее. – Мы обо всем поговорили, ты не должна уезжать в Зону, это опасно.

– Папа, ничего не произойдет. У нас есть снаряжение, оружие. На базе отлично подготовленные бойцы. Только так мы сможем подобраться к Одину.

Романов махнул рукой и присел, выдвигая ящик стола.

– Папа, и мне плесни, негоже пить в одиночку. – Кристина улыбнулась, и Романов понял: дочь давно стала взрослой. Достав вторую рюмку, налил в нее коньяк.

– Главное – не впутывайся ни во что, прошу. Делай свою работу, а крота мы вычислим.

– Но как подобное могло случиться – четвертая часть страны заражена этим вирусом, мутанты плодятся? Если бы не магнитное поле...

– Тогда бы ничто не смогло вытащить нас из ада. – Романов, достав платок, протер вспотевший лоб. – Теперь ты понимаешь, почему я волнуюсь за тебя?

– Да, пап, – улыбнулась Кристина.

Она знала, что не пройдет и месяца, все войдет в норму: группа зачистки уничтожит мутантов – в лаборатории, находящейся в Зоне, уже работают над вакциной. Биологическое загрязнение сойдет на нет после того, как к проекту присоединился создатель Одина.

Глава 2 Эксперимент, или Новая семья

15 октября 2022 года

Прошло два года, и я понемногу привык к мысли, что прошлого не вернешь. Еще пару недель не мог спокойно спать, подскакивал от каждого шороха и метался в поисках пистолета или ножа. Трудно залечиваются душевные потрясения. Это сейчас кажется, что сумасшедшая реальность – норма. Однако это не так, когда дети берут в руки оружие и им приходится убивать чудовищ. Нет, это не есть хорошо или нормально.

Так как Жека прошел службу в рядах Российской армии, его сразу забрали в подразделение «Гамма», которое занималось поиском таких недотеп, как мы, после зачистки территории, что выполняла группа «Бета». Чем, спросите, занимались в группе «Альфа»? Я не знал. Его основу составляли бывшие спецназовцы: молчаливые, крутые ребята, немного двинутые и почти что неубиваемые. Жека мечтал попасть в «Альфю», но ему еще предстояло многому научиться.

Меня направили в группу «духов» – черт, прям как в армии, хорошо хоть призраками не назвали. Хотя призраками называют за глаза бойцов «Альфы», потому что они точно действуют, как призраки, быстрые, бесшумные и до жути страшные в гневе.

Теперь мы с Жекой стали видеться реже, и я, честно говоря, скучал, как и он. Все-таки мы столько пережили с ним за те месяцы, пока шли на базу.

Майор Иванов рассказывал, что таких баз несколько, и всегда удивлялся, как мы вообще нашли их. Как выжили в этом аду?!

– Сергей Петрович, так это отец. Он говорил, что мы идем на север и там есть военная база.

– Да, сынок, ты, видимо, не все знал о своем отце.

– Вы его тоже не знаете?

– В таких делах не бывает имен, только позывной и цифровой код. Ученые тоже дают подписку о неразглашении, поэтому ты, возможно, никогда не узнаешь, чем занимался твой отец, но, думаю, он бы гордился тобой.

У меня ничего не осталось от родителей – ни фото, ни какой-либо вещи, я осиротел полностью, а Жека говорил, что так даже лучше.

– Ты быстрее забудешь, что произошло.

– Как можно забыть отца, превратившегося в мутанта, а потом еще и убитого тобой.

– Дурак ты, Лешка. Если б я его не кончил, он бы точно сожрал тебя.

– Я знаю, Жень, но... – Я чуть было не заплакал. Черт, только не так, не сейчас. Я проглотил комок, понимая, что не должен показывать слабость, пусть даже это Жека – мой лучший друг.

– Не кисни, братан, сегодня после занятий вылазка в лес – я поговорил с капитаном Северцевым, ты идешь с нами.

– Да брось прикалываться! – Я не верил, что наконец-то смогу показать свои навыки и больше не называться этим серым словом «дух».

– Это просто вылазка, ничего серьезного. – Жека улыбнулся, так тепло, как в те дни, когда мы вдвоем прочесывали безлюдные улицы городов и прятались в лесах от собак-мутантов. – Я сказал, что тебе нельзя терять боевые навыки, а прошло почти два года.

– Да, – протянул я, – времени не терял: чистил оружие, точно кухарка кастрюли.

Я, конечно, лукавил, потому что никогда не бросал заниматься. Каждое утро начиналось с зарядки, отжиманий, подтягиваний; Жека научил меня разным приемам, поэтому я был готов к бою, точно был готов.

– И какие на сегодня планы? – спросил я.

– Ребята из второй группы сообщили, что к юго-западу от убежища находится большой химкомбинат. Они его зачистили, но на складах что-то есть. По приборам не все ясно. Похоже, что это люди, поэтому несколько наших отправляют в разведку. Мы должны выяснить, люди это или мутанты. Сам понимаешь, если люди, им надо помочь, вытащить из катакомб, а может, там дети, кто-то ранен.

– Понимаю. Когда выходим? Хочется глотнуть радиоактивной пыли, чувачок.

– А то! – Он гоготнул, хлопая меня по плечу своей тощей, но сильной рукой. – Через час выдвигаемся. Ты там это... шею помой и ногти не грызи. Так... – Он придиричиво осмотрел меня. – Побрился? – Жека подмигнул и направился к двери.

Вот приколист, у самого щетина трехдневная – и ничего. Здесь по поводу бритвы особо не заморачивались, на это просто не было времени, да и мысли были о других вещах.

Я знал, что должен проявить себя, чтобы не сидеть «духом» среди малолеток. Мне уже восемнадцать, и я чувствовал себя давно не мальчиком, а то, что Жека поговорил насчет меня, внушало оптимизм.

17 октября 2022 года

В отряде Северцева, которого называли Север, было шесть бойцов. Северцев – крепкий мужик среднего роста с глазами цвета стали и суровым выражением на лице. Впрочем, здесь у всех вояк были такие глаза. В отличие от других, всегда выбрит, благо у него всегда имелась опасная бритва, видя которую, я вспоминал почему-то о маньяках и убийцах. Наша команда состояла из молодых пацанов, от двадцати, как Жека, до самого взрослого Филатова Кости, ему шел двадцать шестой. Фил был самым опытным из группы Жеки, но немного не дотягивал до «Беты». По-моему, ему было комфортно здесь. Высокий, темноволосый, поджарый, точно дикая собака Динго, с темными глазами. Длинная челка, падая на лицо, закрывала глаза, и когда мы вышли из бункера, Фил нацепил косынку, типа банданы, – таким я его видел первый раз. В косынке цвета хаки он похож на героя-спецназовца из популярного фильма.

– Не люблю тупо мочить уродов, – говорил он.

Кстати, именно Фил тогда вытащил нас с Жекой. Никогда не забуду его удивленной рожи, как он внезапно появляется из люка, замаскированного ветками, машет нам рукой, обнаруживая себя.

Я пытался отбросить мысли, понимая, что смогу выжить, если перестану поддаваться эмоциям. Никогда не думал, что будет так тяжело справиться.

Через час пришел Жека и мы отправились на обед, уничтожать стратегические запасы бывшей армии нашей страны, которой уже не было, хотя майор Иванов любил повторять, что страна есть и люди есть, значит – армия также существует.

– Выбросьте из своих голов такие разговоры: «Армии нет». А мы разве не армия?

На обед тушенка с кашей, каждому по пакетику молока в тетра-паке, у которого срок хранения, наверное, миллион лет. Только после этого молока иногда скручивало живот, но доктор Велкин настоятельно рекомендовал нам его, молоко это. Оно-то, конечно, вкусное было, но не хотелось потом, когда мы будем в разведке, искать кусты, чтобы справить нужду.

Мы выпили чай, сладкий и горячий, что было гораздо вкуснее «питательного» молока Велкина, как мы его прозвали. Завершили прием пищи разноцветными таблетками. Интересно, сколько этих таблеток нужно сожрать, чтобы радиация не брала? Думаю, она все равно действует, и рано или поздно если не подохнем от нее, так от каких-нибудь болячек типа рака или еще чего-нибудь подобного точно.

19 октября 2022 года

Наша небольшая группа была готова к вылазке. Мне достался небольшой пистолет Ярыгина, который называют «Грач». Круто! Тяжелый, девятый калибр и 15 патронов в магазине. Думаю, если они закончатся, им можно хорошенько шарахнуть по гадкой мутантской башке.

Ребята нормальные, без понтов. Кроме Филя и Татарина я не знал никого. Высокий черноволосый парень Никита представился Ником.

Они с Филом были чем-то похожи, и я поначалу их путал, точно они братья. Одного роста – такие тигры в камуфляже!

Мы с Жекой на них смотрели разинув рты – как они тренировались, бегали и стреляли.

Маленькая бойкая девчонка лет шестнадцати с коротко подстриженными волосами оказалась неплохим бойцом. Звали ее Оксаной. Позже я услышал, что все называют ее Мелкая. Она была самой младшей в группе. Маленькая, юркая, метко стреляющая по мишеням и отлично справляющаяся со сложными заданиями.

– Только не вздумай так называть меня, – бросила она мне, как-то по-девчоночьи, подумал я и пожал плечами, двигаясь за ней следом.

Жека замыкал наш небольшой отряд, который осторожно продвигался по мрачному коридору. Лестница, люк – я поднял голову, рассматривая потолок, покрытый плесенью. Откуда здесь капли воды, с поверхности или грунтовые воды просачивались через толстый слой железобетона? На стене множество отпечатков, точно кто-то опускал ладонь в краску и оставлял память о себе в виде отпечатка руки.

– Лежа, двигай помидорами, – Жека положил руку на поручни.

Я понял, что остался один, все уже поднялись вверх.

В лицо пахло влажным осенним воздухом, листья почти облетели с деревьев, лежали под ногами бурым ковром, точно большие коричневые жуки. Ветер безжалостно обнажил черные, как уголь, ветви деревьев, растерзал в клочья и без того нищенские одеяния. Запах прелой листвы, аромат осени, который заставил меня улыбнуться. Я вспомнил время, когда были живы отец и мать, когда война еще не прокатилась по нашим жизням ядерным смерчем.

Оглядываясь по сторонам, мы тихо двигались вперед. Лес не казался враждебным, но был редким и хорошо просматривался, что было на руку существам, наблюдающими за нами.

Мы не разговаривали, стараясь не издавать лишних звуков. Наши шаги тонули во влажной листве, пока я не услышал хруст за спиной. Все резко остановилось и осмотрелось.

Северцев жестом приказал рассредоточиться.

Жека одними губами прошептал, что здесь кто-то есть. В это время суток людей-мутантов бояться было нечего – они, как правило, спали, и лес был пастбищем для других существ.

Глухое рычание заставило меня покрыться потом. Я не видел монстра, но слышал его дыхание.

Звук предохранителя АК-115. Я посмотрел, как Ник обходит ближайший куст слева, Северцев, приложив палец к губам, присел, сжимая карабин «Сайга». Капитан тоже никого не видел, лишь чувствовал.

Оксана отступила назад и, споткнувшись о корень, торчащий из-под земли, упала назад, потеряв равновесие и подняв вверх грязную листву.

«Много шума, слишком много шума», – пронеслось в моей голове. Внутри что-то обвалилось, я ощутил, как страх начинает затягивать петлю на шее. Мелкая медленно поднялась и застыла на четвереньках, впившись взглядом в пистолет, который отлетел в сторону. Северцев, строго посмотрев на нее, показал, чтобы не сходила с места; Оксана, скорчив недовольную мину, плюнула на отброшенный ствол. У меня было впечатление, что у нее руки чешутся, чтобы поднять его.

Справа послышалось рычание, кусты вздрогнули, листья зашуршали своими мертвыми телами под лапами пса-мутанта. «Зубоскал», – пронеслось у меня в голове. Именно эти твари

напали на нас, когда мы с Жекой, побросав оружие и припасы, бежали сквозь лес и колючки, подгоняемые страхом. Если бы не Фил, нас бы точно разорвали.

Мерзкая тварь метнулась к девочке.

– Мелкая!!! – крикнул Фил.

Ник выстрелил, прошивая очередью мохнатый живот мутанту. Оксанка упала лицом вниз, зарываясь в бурюю листву. Пес перелетел через нее и бросился в сторону Ника.

Истекая кровью, пес продолжал скалиться и, когда Фил выстрелил ему в голову, упал как подкошенный, окрасив ковер из листьев красно-бурой кровью. Его голова дергалась, когтистые лапы плясали последний танец в агонии перед смертью. Ник, вытащив нож, загнал его по рукоятку, протыкая изуродованный мозг мутировавшего животного.

Когда все было кончено, я помог Оксане встать. Она подняла пистолет, злобно метнув колючий взгляд в мою сторону.

Северцев тихо приказал двигаться дальше. Хотелось сказать Жеке, что здесь есть еще одна тварь, что-то было в кустах, я чувствовал это.

– Там еще кто-то есть. – Я мотнул головой в сторону зарослей.

Жека, ничего не ответив, поднял дуло пистолета и пожал плечами.

Они шли за нами бесшумно, останавливаясь, когда замирали мы, слушая тишину. Не понимаю, почему их больше никто не чувствует! А этот запах гнилой плоти – от него меня начинало подташнивать.

– Жека, неужели вы их не слышите? – не выдержал я.

– Тихо, Север не любит разговоры в разведке.

– Они знают, что мы здесь, и добром это не кончится.

– Может, ты заткнешься, – прошипела, оборачиваясь, Мелкая.

Внезапно из кустов выпрыгнули четыре пса-мутанта, грязные, с вывороченными кусками плоти на облезлых спинах. Они скалились, рычали и были готовы броситься на нас. Мне показалось, что зубоскалы что-то задумали, если, конечно, эти твари способны шевелить мозгами. Медленно обходя нас, они пытались отрезать все пути к бегству. Татарин, передернув затвор, прицелился, и тут же две твари кинулись к ребятам – не кусали, а выбили из рук пистолеты, не давая дернуться с места. Каждая попытка была пресечена злобным лаем и агрессивным рычанием. Из пастей несло зловонием, а зубы, покрытые коричневыми пятнами, запросто могли загрызть, разорвать, сожрать.

У Северцева и Ника автоматы висели на ремнях. Дуло карабина «Сайга» в руках капитана смотрело в мерзкую пасть твари, выжидало. Возможно, это и спасло нас. Началась стрельба. Жека упал, накрывая меня собой, тощий локоть друга больно вонзился в плечо. Я увидел, как Оксанка побежала вперед. Вот дура! Псы ринулись за ней. А что вы хотели? Инстинкты хищника работают всегда. Даже когда собака становится мутантом, она бежит за дичью.

Сбросив Жеку и подняв свой «Грач», я побежал за тварями – их было двое, остальные не давали подняться Татарину и Филу, гребли лапами землю, пуская вонючую слюну.

Я выстрелил и ранил тварь, она завизжала и свернула с тропы в лес; вторую почти догнал, так как не особо быстро бежала, словно играла в погоню.

Поравнявшись с Мелкой, я схватил ее за руку и рванул к себе. Зубоскал, выпрыгнувший из кустарника, шелкнул зубами, укусив воздух. Мы упали и покатались в овраг, выстрелы короткими очередями прорезали тишину леса, поднимая в небо птиц. Птицы – я давно не видел их, сколько мы шли с Жекой – только мертвых.

Обхватив Оксану, я пытался замедлить наше падение. Больно ударяясь о кочки и сучья, мы летели вниз, точно снежный ком, обрастая грязью и прелыми листьями, пока не рухнули в воду. На дне оврага после дождя скопилась небольшая лужа. Оксана лежала на спине, и вода смягчила падение.

– Ты как, все цело? – Я приподнялся, все еще сжимая ее в объятиях, и посмотрел по сторонам.

– Долго будешь лежать на мне? – буркнула Мелкая, пытаясь освободиться.

– Тихо, не вертись, – я посмотрел вверх, где над оврагом кружила стая диких голубей. Они громко кричали, словно сообщая о нашем присутствии. Я посмотрел на Оксану – она тоже наблюдала за странным поведением стаи. На шее часто бился пульс, и, казалось, я слышал, как стук ее сердце. Снова выстрелы и крики, какая-то возня и рычание.

Я посмотрел на Оксану. Наши глаза встретились, я облизал пересохшие губы. Ее одежда стала насквозь мокрой, дрожь пробежала по телу. Я медленно поднялся, помогая ей встать. Щеки залило краской. Чувство, что ты полный идиот, щекотало нервы. Поддерживая Мелкую и помогая подняться, я лез следом, цепляясь за корни, стараясь не останавливаться. Мое чутье снова проснулось, улавливая присутствие очередной твари.

Запах гниющего мяса и псины ощущался так, словно зубоскал оказался совсем близко. Я приготовился к схватке.

Собачина выдала себя хрустом веток – не получилось незаметно подкрасться к нам. Выстрел показался слишком громким, Оксана подскочила, хватаясь руками за корни, поднимаясь выше. Зубоскал заскулила, я выстрелил снова, на этот раз в морду. Теперь все было кончено. Противно, когда теплая кровь с запахом трупа летит прямо в лицо; я вытирался рукавом, плевался и морщился от отвращения.

– Эй, вы долго будете прохлаждаться там? – бросил Татарин, смотревший на нас с края обрыва. Его круглое лицо расплылось в улыбке.

Я подтолкнул Мелкую, которая схватила его за руку, пытаясь выбраться. Татарин, в миру Ильгиз Каюмов, сыскал славу плачущего убийцы, наверное, потому что у него было такое доброе круглое лицо, как и сердце. Он отлично стрелял, а на его счету было много мутантов, которых он убивал любым способом и орудием, однако был очень сентиментальным, всегда переживал и даже мог пустить скупую мужскую слезу после подобных вылазок.

Ребята помогли мне выбраться, и Северцев приказал двигаться вперед.

– На данный момент уничтожено девять зубоскалов, – проговорил капитан. – Мы немного отклонились от курса, и времени мало, чтобы вернуться.

– А птицы – вы видели птиц? – спросил я.

– О чем ты, Леш? Здесь давно уже нет никаких птиц. – Капитан с удивлением посмотрел на меня.

– Когда мы упали в овраг, то видели птиц, – вставила Оксанка. – Они кружили над этим местом и громко кричали, словно звали кого-то.

– Почему мы этого не видели? – спросил Фил. – Ладно, надо успеть вернуться до заката, иначе не справимся, когда проснутся люди-мутанты.

Оксанка дрожала от холода. Я предложил ей куртку, на что она презрительно фыркнула. Жека сообщил, что бесполезно помогать ей – она привыкла все делать сама.

Посмотрел на часы – было около полудня. Серые облака плотным слоем укрыли солнце, а сизая мгла окутывала лес. Странные коготки предчувствия опасности поселились где-то в правом подреберье, царапали острыми крючьями, пытаясь выбраться наружу. Я хотел рассказать Жеке о том, что чувствую, но сейчас нам было не до разговоров. Отвлечься – значит не увидеть врага, лес хранил в себе еще много опасностей. Здесь хотя бы можно было спрятаться. Команда прибавила шаг, впереди показалась пустошь.

Сладковатый запах гари с привкусом крови, тошнотворный и мерзопакостный – я знал, что мы увидим.

Выжженная напалмом земля и груды тел мутантов, людей, животных. Теперь я понимал, чем занимается группа зачистки. И когда мы встретились с Жекой, его никто не собирался спа-

сать, солдаты убивали всех. Я не понимал, что здесь делаем мы, и просто следовал за Мелкой. Она казалась невозмутимой, легко шла пружинистой походкой, сжимая пистолет в левой руке.

– Группа, все сюда! – скомандовал Северцев. – Определимся с нашими задачами. – Он показал на экран навигатора.

– Интересно, это люди или твари? – спросил Татарин.

– Это нам и нужно выяснить, – сообщил Ник таким тоном, точно уже все всем известно, кроме Татарина, который где-то отсутствовал.

– Склад занимает несколько километров, и, чтобы осмотреться, необходимо разбиться на группы, – продолжил Северцев. – Со мной идете ты, Леха и Жека. Ник прошуршит с Татаринком. Фил, соответственно, с Мелкой. Общаться будем по радиации, у каждого GPS в навигаторе. Если вы обнаружите мутантов, не вступайте в перестрелку, ваши действия могут подвергнуть опасности других. Ясно?

– Так точно, – отчеканил Ник.

– Выполнять! – Северцев двинулся вперед: – Моя группа, заходим с северного входа. Ник, твоя – с западной стороны. Фил, на южной стороне подземная парковка, через час встречаемся там. Используйте ножи, стрелять только в крайнем случае, и, если мы услышим выстрелы, пойдем, что произошла чрезвычайная ситуация. Ясно, Мелкая?

– А что сразу Мелкая? – Оксана с вызовом посмотрела на капитана.

– Потому что спорить с командиром нельзя, – улыбнулся он. – Замерзла?

– Нет, товарищ капитан! – кисло улыбнулась она, хотя дрожала, как осинный лист.

Понимаю, девчонке в мужском коллективе сложно, и проявить слабость – значит поставить себя на ступень ниже нас, парней, чего Оксанка делать не хотела. Красивая... Я вспомнил, как мы падали в овраг и получил подзатыльник. Не больно, но как-то обидно получалось, Северцев точно считал меня каким-то недотепой.

– Двигай живее.

– Можно вопрос, товарищ капитан? – обратился я.

– Можно, – усмехнулся Северцев. – Можно Машку за ляжку, телегу с разбегу, козу на возу...

Я видел, как Жека еле сдерживается, чтоб не покатиться со смеху.

– Разрешите вопрос, товарищ капитан? – еле проговорил он, давась от смеха.

Северцев посмотрел на меня и улыбнулся глазами.

– Разрешите спросить? – поправился я.

Капитан кивнул:

– Говори, пока есть время.

Наша группа рассредоточилась и двигалась в назначенном направлении. Я начал изда-лека, опасаясь, что Северцев не поймет меня.

– Понимаете, я чувствую приближение тварей, я ощущаю их запах. Никто еще не заподозрил появление зубоскалов, а я каким-то макаром чую их.

– Это было бы хорошо, сынок. Если что унюхаешь, говори. – Он потрепал меня по плечу, и мы двинулись дальше.

Город оцетинился вырванными кусками арматуры и бетона, оплавленный асфальт, похожий на вулканическую лаву, сожженные трупы, застывшие в нелепых позах, в основном лицом вниз или скорчившись у стен. Разграбленный торговый центр с выбитыми стеклами, офисные помещения, выгоревшие дотла. Я знал – так работает группа «Бета», и мне не нравилось, что я видел. Самое противное было чувство непонимания происходящего – что правильно, а что нет.

Жека стал каким-то чужим. Раньше опасности, возможно, было больше, но я знал, кто враг, и у меня была цель, общая у нас с Женькой. Сейчас же тупо заниматься зачисткой не хотелось.

Мои мысли прервал Северцев, приказав двигаться вверх по лестнице.

Темный склад, где пахло сыростью и плесенью, встретил темнотой и странными звуками. Скрежет – то ли от сквозняка, теребившего металлический каркас ангара, то ли там кто-то поджидает нас. Мы старались двигаться как можно тише, пробираясь по узкому коридору, заставленному высоченными стеллажами с коробками. Тут были лекарства, порошки, всякая химическая хрень, а наверху кто-то следил за нами. Он наблюдал и двигался в такт нашим шагам.

– Ты слышал? – спросил я Жеку.

– Да, мы тут не одни. – Он посмотрел в навигатор. – Здесь трое. Один над нами ползет, люди тоже боятся, и это понятно. Надеюсь, это они.

– Товарищ капитан, что делать будем?

Он приложил палец к губам, посмотрев наверх, и махнул нам, чтобы шли дальше. Жека двинул впереди, я следом. Ладони вспотели, я ощущал взгляд, и мне это не нравилось. Никаких запахов не чувствовал, пока не повернули к лестнице, ведущей на второй этаж. Звуки, похожие на плач, длинный коридор и запертые двери. Кто-то тихо плакал, но это был не человеческий плач. Мы подошли к двери, и я осторожно заглянул в застекленное окошко. Существо сидело на грязном полу и сучило ножками, похожими на лапки краба. Это был маленький ребенок! Его рот был перепачкан кровью, а рядом лежала растерзанная женщина. Я не знал, что дети тоже превращаются, хоть это и нормально... Вирус не щадил никого. Нормально. Теперь от этого мира можно ожидать всего. Существо повело носом, сморщило личико и, поднявшись на ножки-крабики, заковыляло к двери. Принюхиваясь, оно точно раздумывало, что делать дальше, потом, подтянувшись, ухватило клешнями за оконный штапик, и в этот момент наши глаза встретились.

Лицо младенца исказилось от ярости – это было ужасное зрелище, ведь ему было не больше года. Маленький монстр, рассерженный, что дверь не поддается, рычал и пытался прогрызть стекло, потом он начал биться головой, видимо не чувствуя боли. Темная кровь залила его некогда милое личико, но дверь по-прежнему не поддавалась.

– Что вы стоите как вкопанные? – Северцев видел, как маленький монстр пытается выбраться, и, выбив плечом дверь, оказался внутри. Младенец отлетел в сторону, ударившись о стену, но удивительно быстро поднялся, чтобы наброситься на пищу. Пищей для него были мы, так как мать уже не подавала признаков жизни и ее мясо начало разлагаться.

Пока мы с Жекой возились, доставая ножи, Северцев выхватил свой и, пригвоздив мутанта к полу, вскрыл ему череп. Зловоние растекалось вместе с кровью и мозгами; я ощутил, как тошнота наполнила рот рвотой, и отвернулся. Сдержался. Я не мог себе позволить показать слабость перед командиром.

– Что уставились? – Северцев вытер нож о штанину. – Проверить все комнаты и, если понадобится, уничтожить тварей!

Я видел, как у него трясутся руки. Он выругался и пошел первым, проверяя комнату за комнатой. Больше никого не встретилось на пути, и мы подошли к двери, ведущей на третий этаж.

Запах тухлого мяса, словно в мозгу взорвалась цистерна с трупами. Я сплюнул на пол:

– Товарищ капитан, там, на лестнице, там твари... точно.

Нас поджидало трое уродов – как я почувствовал их, не понимаю. Наверняка это те самые, что шли за нами в первом складе. В узком лестничном пролете драться сложно и опасно, зубы и когти тварей так близко, и сложно, уворачиваясь, не зацепить кого-то из своих парней.

Я сцепился с высокой особью, что раньше была женщиной. Ее волосы наполовину сползли с головы, обнажая кости черепа, кто-то пытался скальпировать ее и, видимо, не добил до конца. Не понимаю как, но тварь выбила из моих рук нож, повалила меня на лестницу, оказавшись такой сильной, что я с трудом мог справиться. «Главное – не дать укусить, чтобы не стать одним из них», – думал я.

Мы катались по лестнице, и я, оказавшись сверху, схватил первое, что попало под руку. Стеклянная бутылка. Разбив ее, перерезал горло твари: мерзкая, липкая, вонючая жидкость выплеснулась на меня из разорванной артерии; что было кровью, сейчас больше напоминало нефть с запахом разложения.

Северцев расправился с мутантом, который навалился на Жеку, и, отбросив его в сторону, приказал двигаться дальше. Поднявшись на третий этаж, мы услышали выстрелы.

– Твою-то мать! – Северцев включил рацию: – Прием. Вызывает Север! Прием! Что у вас там за хрень, мать вашу?!

Тишина. Лишь потрескивание рации. Снова выстрелы. Оценив ситуацию по навигатору, Северцев недовольно покачал головой и, сжав губы, снова попытался выйти на связь. Мы услышали испуганный голос Оксанки.

– Прием, Север, говорит Мелкая: тут... их так много... Прием!

– Валите отсюда, Мелкая! – прорычал в рацию Северцев. – Кто остался? Прием!

– Все... живы. Тут люди, много людей, есть раненые. Прием!

– Уходите. Забирайте здоровых и взрывайте эту богадельню ко всем чертям! Конец связи.

– Надо помочь раненым! – взорвался я. – Нельзя же так просто тупо всех убивать.

– Послушай, мальчик! – Северцев больно сжал мои плечи своими лапищами. – Раненый – это почти стопроцентный мутант, тебе ясно?! Я не могу подвергать опасности убежище и других людей. У меня нет карантинной зоны! Вперед!

Мы побежали. Жека несся впереди, проверяя, нет ли еще тварей. Хорошо, что пока все чисто. Выстрелы и крики стали громче; пробегая мимо пустой лифтовой шахты, я заглянул туда и увидел шевелящуюся массу, которая зывала к своим сородичам. Я проверил, все ли правильно делаю: пистолет в правой, нож в левой. Из открывшегося прохода к нам выбежали Татарин и Ник.

– Что у вас там, хвоста нет?

– Нет. – Татарин посмотрел в сторону Ника. Его лицо было залито кровью.

– Уже нет, – поправился Ник, – пять штук замочили. Что там у Фила с Мелкой?

– Говорят, людей нашли, – ответил Жека. – Но и твари там – кидаются, блин, трудно им приходится.

Внезапно затрещала рация:

– Прием. Север на связи.

– Прием. Это Фил. Выходим со стороны спортивного зала. Прием.

– Какой на хрен спортивный зал? – выругался Ник.

– С вами много людей? Прием, – спросил Северцев.

– Человек двадцать здоровых, остальных пришлось уничтожить. Прием.

У меня все похолодело внутри. Я не смог бы убить людей и так спокойно говорить об этом. У них же есть шанс на спасение – как можно их лишать его?

– Выходим к парковке. Прием.

– Вас понял, Север, конец связи.

Мутантов заперли в раздевалке спортивного зала. Склад химкомбината примыкал к спортивному комплексу для сотрудников, нам пришлось осмотреть каждый сантиметр. Никто не хотел уходить, зная, что в любой момент на тебя могут наброситься. Пока мы не встретили Мелкую с Филом, нам пришлось прикончить еще с десяток мутантов, и постепенно я понял: что раньше казалось отвратительным, становится твоей работой.

Мы должны очистить мир от тварей, чтобы они не сожрали нас, остатки человечества, хотя человечность стала понемногу уходить из нас. Из кого-то большими, из кого-то меньшими порциями.

Добрый Татарин до сих пор плакал после каждой бойни, тихо, чтоб никто не видел, а потом снова шел убивать монстров, понимая: он должен делать это. Что если не он, то кто.

Я это понял, понял после первой же вылазки и спустя все эти месяцы вспоминаю свой первый поход с группой и капитаном Северцевым.

Люди. Я видел, как они измождены: женщины, мужчины, которых было меньше, один мальчик лет девяти. Последней шла Мелкая с белым как полотно лицом, она сжимала руку чуть выше локтя, на которую была намотана тряпка.

– Что произошло, Оксана? – спросил Северцев. Он редко называл ее по имени.

– Меня укусили. Фил действовал согласно инструкции 2 пункт 3.

– Ты как, держишься?

– Да, товарищ капитан. – Она попыталась улыбнуться и, покачнувшись, упала ему на руки.

Только сейчас я заметил, что у Мелкой нет правой руки. Как рассказал Фил, ему пришлось сделать это, иначе они потеряли бы Оксанку. Тварь вцепилась ей в запястье.

– Я сразу вышиб уроду мозги, – сказал Фил. – По инструкции часть тела необходимо ампутировать, если есть возможность. Мне тоже жалко было Ксюху. – Он отвернулся, потом продолжил сдавленным голосом: – она крепче любого из нас, не проронила ни звука, пока мы прятались в раздевалке, и я все это... делал... с ней. Не думал, что так выйдет.

– Ты сделал правильно, Фил, – сказал Северцев. – Зато она будет жить.

Северцев нес на руках Мелкую, завернув в бушлат, который казался таким огромным в сравнении с маленькой хрупкой девушкой.

Люди с темными лицами, похудевшие, быстро двигались за нами: они не могли поверить, что где-то есть убежище и наконец-то они смогут выспаться, помыться, поспать спокойно.

– На складе еще много запасов еды, – сообщил высокий мужчина лет пятидесяти. – Мы могли бы показать, где это.

– Хорошо, – кивнул Северцев. – Завтра отправимся на машинах, потому что пешком идти слишком опасно – в лесу много нечисти всякой.

Как бы в подтверждение его слов вдалеке завыл зубоскал. Женщина, идущая рядом, вздрогнула и схватила меня за руку. Я посмотрел на нее: ей было не больше тридцати восьми – примерно так же, как было бы моей матери, если бы не война. А это была война, несомненно. Однако мне очень хотелось расспросить командира о том, что произошло.

Они знают, они все знают: что случилось на самом деле, кто первым запустил ракеты и почему.

Обратный путь оказался гораздо короче – по дороге с нами не случилось ни каких происшествий. Мы спустились в убежище, и женщина, всю дорогу сжимавшая руку, улыбнулась мне, сказав «спасибо».

20 октября 2022 года

Новоприбывших отправили в модуль доктора Велкина, как и Оксану, которая потеряла много крови. Но я и в мыслях не позволял себе представить, что она не выкарабкается, что с ней что-то случится.

– Жека, ты как думаешь, с Мелкой все будет в порядке?

– Хочется верить, Леш, но ей придется привыкать жить с одной рукой. Как она выдержит все это?

– Она справится.

– Я тоже думаю, справится.

Мы приготовили чай и, устроившись на полу комнаты, пили горячий напиток из металлических кружек, обжигаясь и наслаждаясь тем, что у нас получилось в этот раз остаться в живых.

С того дня прошло немного времени, Оксане стало лучше, если это можно назвать так. Она злилась на себя, и ей было очень трудно привыкнуть к мысли, что она перестала быть

частью команды. Я говорил, что это не так и она все равно может сражаться, но майор Иванов так не считал, не пуская Мелкую с нами на вылазки.

Мы вывезли много еды, медикаментов и горючего со склада химкомбината, который так яростно защищали мутанты. Среди новоприбывших все оказались здоровыми и вскоре пополнили ряды бойцов.

– Игорь Сергеевич, Оксане необходимо вернуться в команду, – говорил я Северцеву. – Поймите, без этого она погибнет: посмотрите, на кого она стала похожа – словно тень... той Оксаны, что я знал.

– Я поговорю с Ивановым. Согласен, что Мелкую необходимо вернуть в дело.

Чем больше проходило времени, тем сильнее я ощущал себя частью не только команды, но и большой семьи, кем стали для меня все жители убежища. У каждого была своя работа: готовить, шить, стирать, лечить и зашивать наши головы, ремонтировать технику, планировать расход продовольствия, медикаментов. Всем нашлось дело по способностям, и через несколько месяцев наш бункер уже плохо вмещал выживших после катастрофы.

– Северцев говорит, что надо искать место, где смогут разместиться все, – как-то сказал Жека. – Но тогда мы подвергнем людей опасности. Не знаю, о чем думает Иванов.

– На поверхность выходить опасно, – согласился я. – Для начала необходимо произвести разведку, потом узнать о ближайших объектах, где мы бы могли расположиться.

– Простите, что невольно услышала. – Оксана села на мою кровать. – Так хочется увидеть небо, пусть серое и мрачное. Я себя чувствую такой никчемной.

– Выключай депрессняк! – Я потрепал ее по вихрам на макушке. – Обещаю, на поиски нового убежища ты отправишься с нами, – выпалил я.

Жека посмотрел на мою рожу, расплывшуюся в дурацкой улыбке, и покачал головой:

– Прости, Леш, но не мы решаем, кто и когда отправится на поиски.

– Я поговорю с Северцевым, Оксана. Он поймет.

28 октября 2022 года

Северцев долго уходил от разговора, потом кивнул мне головой, чтоб я следовал за ним. Странно все это, решил я, но пошел за ним. Мы зашли в часть бункера, где я ни разу не был. Игорь Сергеевич захлопнул железную дверь и, повернув рычаг, двинулся к следующей, такой же внушительной, обитой железом. Открыв приборную панель, он приложил палец к датчику: в механизме двери что-то щелкнуло, и она бесшумно отъехала в сторону, приглашая войти.

Какое-то странное чувство не покидало меня. Почему Северцев показывает все это именно мне? Чем я такой особенный? Или со мной что-то не так?

– Присаживайся, Лех, – сказал он, включая мониторы на стене.

Тут было множество всяких приборов, назначение которых я не мог понять. Северцев сел напротив и что-то набрал на клавиатуре компьютера. На мониторах появились изображения, которые слились в одно целое, расплескавшись на большом экране. Картинки сменялись быстро. Я понимал, что это война, я видел трупы, сотни трупов, солдат в радиационной защите, в противогазах, ядерный взрыв, уничтожающий все живое. Голос за кадром сообщал, что программа «Серый рассвет» прошла успешные испытания и осталось только смоделировать в небольшой группе социума реальные события.

«...Участники эксперимента не должны знать о происходящем. Их гибель будет считаться побочным эффектом, и нерационально рассчитывать количество жертв...»

Я с непониманием посмотрел на Северцева – в глазах застыл немой вопрос. Он провел рукой по коротко подстриженным седым волосам и выключил запись.

– Я думаю, ты кое-что понял, сынок.

– Игорь Сергеевич, почему я?

– Меня попросила Оксана.

– Оксана? – теперь я точно ничего не понимал. – Рассказывайте с самого начала. Вы как мой отец, который всегда что-то скрывал о своей работе. Я знал, что он работает в турагентстве и должен бывать в командировках. Хотя в свете последних событий думаю, занимался он чем-то секретным. Та же информация о базе была не просто мифической надеждой. Он верил, что нас найдут и спасут.

– Как звали твоего отца? Возможно, я знал его? – выдохнул Северцев. – Хотя, если он был засекречен, только при совместной работе...

– Его звали... Владимир Георгиевич... – Мой голос дрогнул. Воспоминания словно старый осколок в ране, который не смогли вытащить врачи. – Маркин...

– К сожалению, – пожал плечами Северцев, – не пришлось общаться с ним. А теперь можем поговорить, Леша, здесь нас никто не услышит. У меня есть выбор: свернуть тебе шею или рассказать правду, если ты поклянешься молчать. Правда может быть опасна, и людям пока не нужно знать все.

Я чувствовал, как майка прилипла к спине, во рту пересохло. Я попросил воды – капитан кинул на стол фляжку.

– Привычка со службы – вода всегда есть в запасе. – Он улыбнулся. – Знаю, что ты умеешь хранить секреты, и хочу рассказать то, что считаю нужным, чтобы ты не наделал глупостей. Потому что уверен: тебе не сидится на месте, и вы с Жекой задумываете устроить самостоятельную вылазку.

Я покраснел и покачал головой. Отпираться было не к чему, я не умел, да и не хотел врать.

– Не хотелось бы, чтобы вы втягивали в это Оксану.

– Оксану? – Я не ожидал, что судьба Мелкой его так волнует.

– Дело в том, что Оксана – моя дочь. Это долгая история, и командование не знает об этом. Ей стало это известно пару лет назад, девчонка в сомнениях, и я понимаю ее.

– Бывает... – обронил я. – Но почему все так скрытно? Почему бы нам не поговорить об этом в бункере, в моей комнате или в вашем кабинете?

– Ты услышал о проведении эксперимента. – Он мотнул головой на потухший экран: – Что-то вышло из-под контроля. Вместо того чтобы ударить по полигону, ракеты с боеголовками устремились за океан. Первыми получили удар Вашингтон и Нью-Йорк. И даже пресловутые ПРО не спасли ни Америку с Европой, ни нас. Последовал ответный удар... Я не знаю, как Земля не превратилась в пылающий ад. Когда наши европейские и американские партнеры поняли, что это был террористический акт, было поздно. Разрушенные города и сотни километров зараженной территории – этого оказалось мало: на свободу вырвался странный вирус, в одних местах меньше, в других больше. Люди, получившие ранения, животные стали мутировать, причем метаморфозы происходили очень быстро. Никакие известные средства не помогали. Иногда я встречал своих ребят, ставших монстрами, теперь привык и к этому. Давно привык к смерти, но, находясь в очередной командировке, знал: война там, а дома меня ждет семья и небо будет голубым и мирным. Без осознания этого очень тяжело. А с Оксанкой мы встретились случайно.

Когда прочесывали город, я натолкнулся на женщину, которая убегала от своры зубоскалов. Она просила о помощи, ее тело было покрыто рваными ранами, и я понимал, что будет дальше. Когда я понял, кто она, то приказал не стрелять. Это была Катерина, мать Оксаны. Тогда я не знал, что у меня есть дочь. Черт, как в дешевом сериале, но так сложилось.

Северцев встал из-за стола и медленно расхаживал по маленькой комнате:

– Я должен был убить, но это было сделать сложно. Самое страшное – она не понимала, почему я хочу сделать это. – Стреляй! Давай, ублюдок! – выпалила она. – Теперь твоя дочь останется не только без отца.

– Что ты говоришь? – я приставил пистолет к ее виску. Голова была разбита, и ей, должно быть, очень больно, но в тот момент какая-то ярость охватила меня. – Ты уже скоро превратишься, что за бред ты несешь?!

Ее нижняя губа задрожала, и она заплакала, вытянув над головой руки.

– погоди, не стреляй, Игорь... погоди, сейчас...

Я весь напрягся, зная, что по инструкции должен уничтожить раненых.

Где-то рядом прогремел взрыв – мы отвлеклись на него, мои люди бросились врассыпную. Черным дымом заволокло улицу, и я понял, что Катя сбежала.

Потом вернулся в город один, вопреки приказу не покидать убежище в одиночку. Сослался на то, что забыл оружие, а у нас, сам понимаешь, каждый патрон на счету. Так вот, вернувшись в город, я попытался отыскать Катю, но это все равно что искать иголку в стогу сена. Дом, где она жила раньше, пострадал от пожара, на полуразрушенной лестнице несколько мутантов что-то грызли – я видел, что это женщина, которой уже нельзя помочь. Она была мертва, и это была не Катерина. Тогда я сказал себе: «слава богу», – потому что лучше умереть, чем жить в образе чудовища. Спустившись в подвал, я понял, что дверь закрыта, и, скорее всего, изнутри. Прислушался, ловя каждый звук: там кто-то был. Человек подошел к двери и старался двигаться как можно тише. Я подал голос, грозя выдать себя, но меня услышали через железную дверь. Это была девочка, которая сказала, что ее мама умирает и ей страшно.

– Я ищу Катю и хочу помочь, – сказал я, не зная, что еще добавить. Девочка боялась и не открывала дверь. – Впусти меня. Если твоя мама превратится в монстра, тебе уже никто не поможет. Я офицер Российской армии, вот посмотри, – сняв с шеи жетон, я просунул его в щель между стеной и дверью.

Девочка ничего не ответила. Я ждал, смотрел в лестничный пролет, опасаясь, что мутанты почувствуют меня. Еда занимала все уголки их разума, и тогда, на лестнице, их пиршество, возможно, спасло мою жизнь.

Дверь скрипнула, и в узкой щели проема я увидел сначала большие глаза и веснушки на вздернутом носике, а потом и саму девочку. Я знал, что это она, моя дочка, не знаю почему – возможно, потому что была так похожа на меня в детстве. Ей было страшно, но, видимо, маме очень плохо, поэтому девочка все же решилась открыть дверь незнакомцу.

Я осторожно вошел в темное помещение подвала. Запах нечистот и плесени ударил в нос. Я увидел, как ее мать лежит на рваном грязном матрасе, пропитанном кровью. Она почти потеряла человеческий облик, но не рассудок. К счастью для девочки, перерождающаяся в мутанта мать не причинила никакого вреда своему ребенку. Как Оксана не заметила эти превращения?!

Катя повернула голову и посмотрела на меня. В ее взгляде еще не было безумия, но она была на грани и, подняв руку, потянулась ко мне.

– Теперь ты поняла, почему я хотел убить тебя? – спросил я. В сердце защемило – не такой я представлял нашу встречу. Нет, не так.

– Позаботься о дочери, Игорь... – Она говорила еле слышно, но в гнетущей тишине я отчетливо слышал даже шепот. – Помоги мне уйти из жизни...

Я посмотрел на девочку – не хотелось это делать при ней.

– Мы сейчас уйдем в безопасное место, я просто помогу твоей маме. – Я слышал дрожь в собственном голосе, и девочка тоже чувствовала это.

– Вы убьете мою маму, а что будет потом?

В ее голосе не было мольбы, не было боли – одна пустота, которая образовалась после стольких дней кошмара.

– Оксана, доченька... – Катя вымученно улыбнулась. Слез не было, осталась только боль, только понимание неизбежности конца. – Это он... твой отец. Ты должна уйти с ним.

– Хорошо... – снова эта обреченность в голосе. Оксана, отвернувшись, добавила буднично: – сделайте это быстро, чтобы мама не мучилась.

Я знал, что стрелять нельзя, хотя это гораздо гуманнее. Сейчас рассказываю и понимаю, как трудно было тогда принять решение. Столько мутантов убито, столько обреченных на мутацию, но тогда мне было так трудно сделать выбор. Хотя Катя не была уже той женщиной, которую я любил много лет назад – так много, что уже почти забыл, какая она. Теперь передо мной лежала женщина с глубокими ранами на теле: язвы покрылись коркой из засохшего гноя, в уголках рта кожа потрескалась, а мутные глаза наполнялись смертью. Теперь они не были похожи на глаза прежде любимой женщины.

Северцев замолчал. Я знал, что он убил ее, но все-таки спросил об этом: сделали ли он выбор, смог ли лишиться жизни.

– Конечно, Леш, я не мог поступить иначе. Ее рассудок был человеческим – я не хотел, чтобы Оксана видела, как я сделаю это. Она отвернулась, и только когда я положил руку на ее плечо, посмотрела на меня. Что-то умерло в ней в тот день.

Два года я молчал, не хотел, чтобы командование знало. Потом все вышло случайно. Оксанка повзрослела, и мы проговорили всю ночь. Обо всем говорили: она рассказывала о маме, я о своей жизни, почему не вернулся к Кате. Все это сентиментальная чушь, и не хочется вдаваться в подробности. Спросишь, почему я тебе все это рассказываю? Отвечу, сынок. Назревает что-то нехорошее, и я не хочу оставаться здесь. Необходимо оправиться на разведку, но мне нельзя уходить. Иванов не должен заподозрить, что тебе все известно. Хотя многого я тебе не рассказал, но пока подробности могут только отвлечь. Уходите завтра на рассвете всей группой. Подробный инструктаж получите от Филя.

– Игорь Сергеевич, получается, кто-то собирался провести эксперимент, но вместо этого террористы взорвали в Америке ракеты?

– Не так просто, но все примерно так и было. Плохо, что эксперимент длится до сих пор и мы все его заложники. Вам предстоит найти одного человека. Ему я могу довериться. Если он жив. – Северцев опустил глаза. – Идем. Сегодня никому ни слова.

– Ребята обо всем знают?

– Кто больше, кто меньше. Только на вас я могу рассчитывать. Возможно, мне было бы все равно, но я хочу лучшего для своей дочери, сначала думал о ней... Теперь вы для меня стали не менее важны, поэтому держитесь вместе и не наделяйте глупостей.

Я понимал, что необходимо выспаться, но проворочался всю ночь и уснул только под утро. В голове крутились слова капитана, и я не мог оценить масштаб всей трагедии, как люди живут там, за периметром, что правда, а что нет. Хорошо, что Жека и Оксанка пойдут с нами. Также я был рад увидеть в нашей команде Вадьку Репина.

Репка был настоящим художником и часто любил повторять, что он предвидел будущее, так как любимым его делом было создавать апокалипсические рисунки, которые он называл модным словом «арты».

С мыслями о предстоящем походе я уснул, и мне показалось, не успел заснуть, как меня разбудил Жека.

29 октября 2022 года

– Леха, пора!

Он заговорщически подмигнул мне. На выходе Ник сунул в руки рюкзак, где было снаряжение, и приказал выдвигаться. Капитана я не видел: понятное дело, он не должен был светиться. Мы вышли через другой выход; Фил сказал, чтобы мы двигались быстро, но тихо. Я был рад видеть Оксанку, и, если было бы светло, она бы точно увидела эту дурацкую улыбку на лице Лехи Маркина, а так как она не видела, я продолжал улыбаться, пока не почувствовал тычок в спину от Репы.

– Хорош лыбиться, Ромео.

Я прибавил ходу, удивляясь, как Репа просек это, но улыбка, словно приклеенная, не сходила с моего лица. Поднявшись на поверхность, я увидел, что еще темно и первые лучи солнца пытаются пробиться через плотный слой облаков.

Тишина резала слух, холодный порыв ветра обжег лицо. Фил задраил люк и показал жестом двигаться за ним. Наш путь лежал в город – там в одном из подвалов располагалась наша квартирка, где можно было перекантоваться несколько часов. Фил должен рассказать, какой план у Северцева, и то, что нужно делать каждому из нас.

Мутанты в это время суток уже спали, зубоскалы еще не проснулись, и путь в город был свободен; у нас было всего два часа, чтобы добраться до места назначения.

2 сентября 2022 года, 12:15

Лаборатория, объект исследования Odin.

Куриленко Федор Геннадьевич.

Запись с камеры видеонаблюдения

В лаборатории свет зажегся ярче обычного. Куриленко пододвинул стул на колесиках, устраиваясь удобнее за монитором. Пальцы, узловатые, тонкие, точно Куриленко пианист, а не ученый, быстро пробежались по клавиатуре. На мониторе высветилось окно, куда он ввел логин и пароль. Свет моргнул один раз, что заставило Федора Геннадьевича задуматься, все ли в порядке с проводкой. В лабораторию вошел Ярышев, спросил, что нового.

– Не пойму, какую игру затеял Один. – Куриленко потер вылезшую на подбородке щетину. – Нужен доброволец. Хочу попробовать взять его под контроль.

– Вы не указали контроль в протоколе?! – спросил Ярышев, сдерживая гнев.

– Не успел, Константин Валерьевич. Понимаете, Один не дал мне сделать это, отключил программное обеспечение...

– Федор Геннадьевич, вы еще пожалуйте – на днях приедет дочь самого.

– Самого – это генерал-полковника? – Куриленко запустил сканирование.

– Она самая – Кристина Витальевна: тут уже и муха не пролетит, таракан не проскочит.

– Перестаньте, Константин Валерьевич! – Куриленко махнул рукой. – Тут уже нет ни мух нормальных, ни тараканов – одни мутанты.

– Так все эксперименты твоего Одина! – Ярышев сжал губы. – Устроили апокалипсис...

Он направился к выходу, все еще ругаясь под нос, но Куриленко понимал: эти нелестные слова несутся в его адрес. Обидно стало, он потер нос и попросил Одина сделать кофе.

– Будет вам кофе, Куриленко, – прогнусавил Один, и Ярышев, задержавшись у входа, обернулся на этот мерзкий голосок. Не понравился ему тон, слишком много он возомнил о себе, решил капитан. Нашупал трубку в кармане, решив выбраться на воздух, покурить, пока периметр чистый.

«Странно все, – рассуждал про себя Ярышев. – После произошедшей атаки радиационное заражение должно быть сильнее. Я вообще не понимаю: сначала приборы показывали высокий уровень загрязнения, а потом что-то изменилось. Но это невозможно, как и очищение такой огромной площади от загрязнения от радиационной пыли и гамма-частиц. Что могло так быстро очистить воздух? При этом остался вирус, который витает в воздухе, как будто он необходим для дальнейшего заражения и мутаций.

Глава 3 Зона отчуждения

Со слов Игоря Сергеевича записал, для всех нас это стало неожиданностью.

Северцев плохо спал, можно сказать не спал вовсе; усталость и волнение слепили на бледном лице маску. Он надеялся, что группа доберется до его человека и все пойдет по намеченному плану. На связь было выходить рискованно – капитан опасался, что его могут слить, поэтому делал все возможное, чтобы командованию не стало известно об их планах. Он давно догадывался, что майор Иванов не во всем честен с ним. У Игоря не было доказательств, но чутье старого опытного волка не подводило.

Начальник штаба базы «Вулкан» Иванов что-то подозревал и долго расспрашивал Северцева о цели вылазки, кто вошел в состав отряда, сколько времени займет проведение операции.

– Майор, ты понимаешь, что нам необходимо новое убежище? – Северцев невозмутимо наблюдал, как Иванов намазывает на хлеб паштет из гусиной печени. Теперь это стало лакомством.

– Игорь Сергеевич, дорогой, ты отправляешь лучших бойцов «Гаммы», оставляя нас без надежной охраны в случае прорыва.

– Прорыва не будет – по периметру расставлены ловушки, и мои люди время от времени проверяют местность. Пока только мутанты, все как обычно.

– Да, – Иванов саркастически усмехнулся, – а у меня другая информация, капитан. И мне не нравится, что сюда идут чужие.

– Понимаю, но мне тоже не нравится, что нас... – Он понизил голос до шепота. – ... Слушают.

– Это часть эксперимента, Игорь. – Иванов, вытащив из стола фляжку и два маленьких металлических стаканчика, плеснул коньяка. – Давай, капитан, без допинга сложно тут.

– Согласен. – Северцев выпил, ощущая во рту приятный букет дорого коньяка. – Еще со старых запасов?

Иванов молча кивнул, раскрыл журнал для записей и начал медленно водить пальцем по спискам, точно не замечая присутствие Северцева.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Давай. И выйди на связь с группой. – Он посмотрел в глаза Северцева слишком серьезно. – Это важно. Ясно?

– Так точно!

Северцев знал место, где не работает прослушка, и, взяв портативный передатчик с рацией, отправился в бывший командный пункт.

Он проверил комнату перед подключением к сети, не обнаружил наличие багов и вскоре услышал голос Филя.

– На связи Фил. Дошли до точки. Связного не обнаружили. Город плохо зачищен, здесь опасно передвигаться, Репа и Леха готовят экипировку. Связной оставил карту и записку. Прием.

– На связи Север. Почему не выходили вчера на связь? Прием.

– Не получилось, Север, долго объяснять. Все живы. Ник и Жека работают над картой города. Связной на другом конце. Ему пришлось уйти с точки. Прием

– Грек пасет меня, сливает Иве. На связь сам не выходи, завтра буду в это же время. Прием.

– Север, с Мелкой все нормально... Прием... Прием... Я не слышу вас. Не слышу...

Капитан почувствовал, как сработала дверь, отъезжая в сторону.

– Я понял. Конец связи.

Черное дуло, точно глаз из преисподней, смотрело прямо в душу. Игорь улыбнулся, взглянул в глаза Греку, понимая, что теперь отступить поздно. Несколько солдат стояли за его спиной, сжимая оружие, бледные то ли от страха, то ли от переутомления.

– Доброго здравия, Север!

– И тебе, Грек! – Северцев, выключив рацию, незаметно сунул ее в проем между столом и системным блоком компьютера, медленно поднялся из-за стола.

– Следуй за мной. – Лицо Грека стало жестким, и Северцев понял: Иванову что-то известно, не просто так он послал старого знакомого. Все очень и очень странно.

– Грек, что происходит? Я думал, сейчас чайку или что-нибудь покрепче двинем, а ты с охраной...

– Следуйте за мной, капитан Северцев! – приказал Гречин.

В его голосе капитан слышал торжествующие нотки.

Оценивая ситуацию, он понимал, что в данный момент бежать некуда. В узком проеме коридора можно справиться и с Греком, и с пятью молодыми солдатиками, только не хотелось убивать их – надеялся, что все просто недоразумение и Иванов сможет объяснить происходящее.

Северцев медленно шел к кабинету начальника штаба, два солдата шаг в шаг двигались за ним. Он размышлял, просчитывал каждый ход, точно шахматную партию, понимая, что бежать – значит остаться один на один со смертью. Остаться здесь – значило снова быть в неведении, быть пешкой в чужой игре. Северцев пока не был уверен насчет информации, что была известна Иванову, и кого ждет он. Медленно войдя в кабинет, он и увидел молодую женщину в военной форме – она сидела спиной к нему, невозмутимая, оценивающе рассматривая кабинет Иванова.

Тонкий аромат дорогих духов повис в воздухе. Давно, Северцев уже и не помнил когда, он ощущал запах французских духов, возможно, когда жена была еще жива.

Иванов сидел за столом, вытирая платком лоб, на котором выступил пот, и уничтожал запасы коньяка.

– Вы тоже любите «Хеннесси»? – проворковала дама, встряхнув головой, и ее белые вьющиеся волосы подпрыгнули, покачиваясь упругими пружинками.

Она не похожа на генерала армии – скорее на любовницу, заметил про себя Северцев.

– Оставь его здесь, капитан! – Иванов сверкнул глазами. – Почему без наручников?! – Он непонимающе свел брови. – Гречин, я что приказал?!

– Майор, – дама ласково посмотрела на Северцева, – думаю, мы обо всем договоримся с капитаном... как вас там?

– Северцев Игорь Сергеевич, – представился капитан.

На его руках защелкнулись наручники. Грек, затягивая их, смотрел в глаза бывшему другу. Ох и дружили они, как братья были, а потом точно черная кошка пробежала между ними – и все... Долгая это история, но они помнили ее.

Северцев старался не паниковать и держаться спокойно – понимал, что излишняя раздражительность Иванова продиктована приездом этой барышни в военной форме.

– Разрешите обратиться! – Он оценивающе посмотрел на ее погоны. – Отлично выглядите для своего звания, товарищ генерал. Я бы вам больше восемнадцати не дал.

– Все шутки шутишь, Северцев?! – Иванов постучал кулаком по столу, – Ты мне это... докладывай по форме, куда группу послал? Теперь отпираться поздно, когда все мертвы.

Северцев непонимающе посмотрел в сторону майора, прищурился и пожал плечами: он был уверен, что Иванов блефует – с ребятами все хорошо и не стоит поддаваться на уловки. «О чем я думаю? – пронеслось у него в голове. – Что вообще тут происходит? Раз они так взяли меня в оборот, значит, всплыла информация о назначении похода группы и то, что ребятам

известно об эксперименте „Серый рассвет“. Что-то начало выходить из-под контроля, я просто чувствую это, ощущаю затылком. Что это за девочка с генеральскими замашками и погонами?»

Северцев сел на стул, рассматривая карту, что висела над столом Иванова.

– Как там у вас говорят, – он посмотрел на блондинку, – ищите женщину? – Тихо усмехнулся: – Ну, теперь ближе к телу. Ребята профи, а их возраст не уменьшает значимость для важного дела. Мутантов они научились уничтожать, поэтому я не понимаю, откуда информация об их гибели. Я только что выходил на связь.

– Ты знаешь, что бывший командный пункт не имеет средств слежения, поэтому ты выходил на связь только там. Несколько раз был замечен в пункте с ребятами из группы. Северцев, не нужно делать из меня идиота! Ты рассказал им?!

– Рассказал что? – непонимающе сжал губы Северцев. – Это единственное место, где я себя чувствую командиром. – Он опустил глаза. – До вашего назначения я командовал базой «Вулкан», Сергей Петрович, и привык к командному пункту – другого места для общения с подчиненными у меня нет. Кабинет – слишком шумное место, так как рядом расположен генератор. Товарищ майор, разрешите спросить: почему вы играете в солдатиков? – Северцев бросил взгляд на Грека и его людей. – Это его версия о том, что я готовлю нечто ужасное?

Иванов молчал. Северцев продолжил:

– Скажи им, Гречин, что у нас неприязненные отношения уже много лет. Ну, скажи же?

– Наши отношения тут ни при чем, – бросил Грек.

– Я думаю, пока снять с Северцева наручники. – Блондинка метнула в сторону Грека недоброжелательный взгляд. – А как с ним поступить дальше, решим позже.

Северцев потер затекшие руки. По приказу майора его отправили в камеру, где было решено продержать несколько дней.

Передатчик для связи Грек изъясил, но рацию найти не сумел. Иванов попытался связаться с командой Севера самостоятельно, но не знал шифра для защищенного канала связи.

– Черт! – Он побагровел от гнева.

Ему было сложно справиться с желанием выпустить всю обойму в голову Северцева. Он знал, что тот скрывает важные сведения, но не мог понять какие.

Иванов попытался успокоиться, сел в кресло, закурил. Громко зажужжала вентиляция, засасывая сизый дым. Генерал Романова, скрестив руки на груди, прислонилась к стене. Не таким она ожидала увидеть прием в бункере Зоны отчуждения.

– Мне нужно сделать звонок, Сергей Петрович, – сказала она холодным тоном.

Иванов потушил недокуренную сигарету и вышел из кабинета. Внутри все кипело; он не знал, впервые за столько времени не знал, что делать.

– Соедините меня с Якорем. – Романова вытащила из сумки баночку с таблетками. – Спасибо, на связи. Якорь, тема «Серого рассвета» просочилась. Чтобы не было утечки, заделай брешь. Ты понял меня? Хорошо. Нет, я думаю, их необходимо устранить как непредвиденный ущерб. Канал незащищенный, поэтому я не могу сказать, когда вернусь. До связи.

Северцев лежал на холодных металлических нарах и улыбался – он был уверен, что поступает правильно. Свою жизнь он не ценил так, как жизни ребят, как Оксанкину – теперь только это было важным. Важным по-настоящему. Смерть долгие годы ходила за ним по пятам, испепеляя взглядом его друзей, врагов, а на нем словно был плащ-невидимка, защищающий от пуль и костлявой.

«Наверное, я просто удачливый такой», – раздумывал Северцев. Воспоминания ворвались в его мозг раскаленным смерчем. Игорь искал смерти, но был не нужен ей; она забрала

всех, всех до последнего, оставив лишь одну родную девочку – Оксану. Именно поэтому Северцев не говорил никому кроме ребят, что она его дочь.

Родители разбились в авиакатастрофе много лет назад, Игорю было пятнадцать. Он помнил пустоту, что выжигала дыру в сердце, и то, как бабушка отдала его учиться в Суворовское училище.

Так на долгие годы армия заменила семью – он чувствовал себя там как рыба в воде. Военное училище, служба. Горячие точки: Чечня, где он не прятался от пуль, а защищал, как ему казалось, Родину, потом Югославия, Ливия и Сирия, Украина. На карте много мест, где наших солдат на самом деле не существует – они точно призраки, о которых известно немногим.

Когда Северцев был в Сирии, погиб его сын Макар, разбился на мотоцикле. Игорь долго не мог прийти в себя, ему так хотелось поддержать жену, которая уже не плакала, а просто медленно угасала, потеряла смысл в жизни.

Он хотел взять отпуск, быть рядом, но новый вызов подвел жирную черту под их браком.

Что любимой больше нет, Игорь узнал, вернувшись домой после очередной командировки. Сестра жены сухо сообщила, что Лариса покончила с собой и что в этом виноват только он.

– Эти стрелялки убили твою семью, – сказала сестра Ларисы, – ты несешь людям смерть. Посмотри на себя: смерть везде, где есть ты.

Северцев понимал, почему сестра винит его, так сложилась жизнь, судьба, или называйте как хотите. Боль, которую ничем не заглушить, снова разрастающаяся пустота в сердце. Война была его работой, он выбрал этот путь, и Лариса знала – его не изменить, а жизнь расставила приоритеты, разбросала кропленные карты и смеялась в лицо. «Ты жив, тебя же пули не берут, вот и живи, наслаждайся этим!»

Он и наслаждался, пока не попал в группу «Альфа», а потом после бомбежки и заражения территории принял на себя командование базой «Вулкан».

Что-то случилось странное, Игорь чувствовал это; он, точно талантливый режиссер, кричал нерадивым актерам погорелого театра: «Не верю!» Но кто его мог услышать? Тот, кто раньше был у него в подчинении, теперь упивался властью и, не разбираясь, кто прав, а кто виноват, ставил штампы на людей, а также подобострастно лизал начальству все, что ниже пояса. Северцев закрыл глаза: слишком много мыслей, а они, как часовые, мешали заснуть.

Утро просочилось ярким люминесцентным светом в камеру. Северцев, разлепил сонные веки, понимая, что подозрения Иванова так просто не закончатся.

Грек нашел, как подставить бывшего друга, залепив ему так называемую пощечину в виде слежки и компромата. Северцев улыбнулся: он знал, что доказательств нет и что он сможет противостоять любым обвинениям.

Они не догадывались, что Оксана его дочь, а это его слабое место. Северцев был уверен, что поступает верно, и, когда в двери щелкнул замок, поднялся, провел руками по волосам, собираясь с мыслями.

Горлов, один из бойцов «Альфы», приказал следовать за ним. Они не проронили ни слова. Северцев знал его как хорошего человека и отличного бойца, но с некоторых пор не заводил друзей. После того, как Грек предал его в Югославии, когда вез оружие через границу и ему, Северцеву, пришлось выкупать из плена у албанцев его нерадивую голову.

Их было немного, таких людей с дерьмом в голове, как говорил капитан, но он сделал свой выбор, вычеркнув из списка всех, кроме любимых. А их с каждым годом становилось все меньше. Смерть забирает лучших.

Теперь из семьи остались только ребята его группы, но они далеко, однако Северцев уверен – они справятся.

В кабинете майора Иванова накурено, за столом генерал Романова Кристина Витальевна. Тонкие сильные пальцы легко, чуть слышно барабают по столу, а в пепельнице дымится недокуренная сигарета.

Северцев знал таких женщин: молодая, красивая стерва, наверняка не замужем. Он оценивающе смотрел на нее, словно просвечивая рентгеновским зрением. Кто ее поклонник или родственник, занимающий высокий пост? Он был уверен – эта девочка не может знать всю подноготную проекта. Или ей все известно? Как не любил он игры в «да» или «нет», «а что в черном ящике?»!

– Присаживайтесь, капитан Северцев. – Она указала рукой на стул. – Я понимаю вас, и вы производите впечатление честного человека. У вас много наград, вы не просто солдат. Удивительно, что до сих пор в звании капитана, при таком послужном списке... Что-то случилось?

Северцев пожал плечами, точно каменный идол с острова Пасхи, – не хотелось говорить по душам.

От нее пахло духами, и новая военная форма ей была к лицу. «Форма всех красит», – подумал капитан и отвернулся в сторону, разглядывая план бункера, который висел на стене.

– Вы не настроены на разговор? Понимаю. Вы честный человек, можно сказать герой нашего времени, а тут появляется какая-то баба и начинает командовать...

– Я не шовинист, – уронил Северцев, – и не хочу играть в ваши игры, генерал. Давайте поскорее закончим, и я приступлю к своим обязанностям.

– Хорошо, – хищно улыбнулась она.

В комнату вошли двое спецов: холодные бледные лица, серые костюмы. Северцев сразу узнал штабных крыс службы внутренних расследований. Полиграф. «Ну конечно, теперь они решили поиграть в агентов спецслужб с бывшим спецназовцем», – улыбнулся про себя Игорь. Полиграф был его спасением, так как он не раз обходил его кривые и диаграммы.

– Вы решили поиграть в расследование, генерал? – спросил Северцев.

– Поиграть, – она усмехнулась, кивнув своим людям, которые достали чемоданчики с аппаратурой, распаковали пакеты с датчиками и проводками.

– Я так понимаю, у ребят серьезные намерения. – Северцев в упор посмотрел в глаза Романовой. – Ну что ж, я готов.

– Отлично, шутник, посмотрим, что вы нам расскажете.

– Только правду и больше ничего.

Полиграф – это детектор лжи, который обычному человеку очень сложно обмануть. Учащается пульс, сердцебиение, потеют ладони – все происходит, когда вы говорите неправду. Однако для тренированного человека обмануть полиграф не составит особого труда.

Романова поняла это не сразу, но не показала виду, что расстроена, – у нее в запасе было одно средство, обойти которое практически невозможно. И что Северцев супергерой, она сомневалась. Капитан понимал: одним полиграфом дело действительно не закончится, и был готов к другим методам.

– Игорь Сергеевич, вы давали подписку о неразглашении.

– Да, как и все военные «Вулкана», – согласился Северцев.

– Вы уверены, что люди из вашей группы не знают, что являются частью эксперимента? – Она склонилась над ним, сверля ледяным взглядом.

– Я сам до конца не знаю всей правды, генерал, поэтому у меня свои версии происходящего.

– Тем лучше для вас, капитан. – Она медленно ходила по комнате. Ее каблучки тихо отбивали ритм шагов, словно часы: тик-так, тик-так. – Если раньше вы могли покинуть Зону отчуждения, сейчас для вас это стало невозможным.

– Покинуть? – удивился Северцев. – Вы считаете, ее можно покинуть? Куда же отправиться – в рай для военных псов или членов правительства?

– Перестаньте, давайте на чистоту. – Она села напротив, положив ногу на ногу. – Вы все заражены, и мы не можем позволить вам контактировать со здоровыми людьми, не попавшими в Зону. Ваш отряд не должен проникнуть за территорию Зоны отчуждения. Это угроза национальной безопасности. У меня предложение, – она коснулась его руки. – Я предлагаю вам возглавить поисковую группу отряда «Альфа» и найти ваших бойцов, капитан. Им не будет причинен вред, они останутся живы, если сложат оружие и не окажут сопротивления. Поэтому именно вам, Игорь Сергеевич, необходимо быть там – они доверяют вам и не совершат глупостей. Половина из них совсем еще дети, они так молоды и импульсивны, что сначала делают, потом думают о последствиях. Так будет лучше для всех. Если вы не согласитесь сотрудничать, мы все равно узнаем план маршрута группы. У нас там есть свой человек. Вы знаете, что такое амитал натрия?

– Да, – кивнул Северцев, – работал с ним.

– Действие на зараженный организм не изучено, и вы можете пострадать. А как же дочь? Это был удар ниже пояса. Северцев стиснул зубы, чтобы не послать подальше эту красивую сучку, возомнившую себя представителем правительства.

– Дочь? – Он непонимающе вскинул глаза. – О чем вы?

– Оксана же ваша дочь?

– С чего вы это взяли, генерал? – Северцев устало посмотрел на Романову. – Мне надоели эти игры и пустые угрозы, дочь – не дочь. Кому какое дело, когда б я успел дочь завести...

– Ну, вообще-то лгать в вашем положении нецелесообразно, капитан Северцев. То, что она ваша дочь, стало известно недавно, после того, как девочка потеряла руку: ваша кровь подошла как-никак лучше других.

– Первая положительная является преступлением?

– Нет, капитан, – насмешливо улыбнулась Романова, – преступлением является ложь. А доктор Велкин провел генетический анализ, на основании которого можно с уверенностью сказать, что у вас одни гены и Оксана ваша дочь.

Северцев опустил глаза. Последний барьер был сломлен, и теперь они знают это. Он видел торжествующий взгляд генеральши, и ему стало мерзко, что поддался чувствам, проявил человечность, но как иначе.

– Я согласен вернуть группу, – неожиданно бросил он и добавил: – с одним условием. Вы скажете, кто в моей группе работает на вас.

– Как это мило, капитан Северцев, – рассмеялась Кристина. – Вы поняли, что в вашей норке завелась крыса? Отлично. Жаль, что немного поздно.

– Кто выходит с вами на связь?

– Не могу сказать, капитан.

Она вызвала охрану и приказала увести Северцева в камеру.

– Погодите. – Она вплотную подошла и добавила: – Соберитесь с мыслями. У нас, да и у вас мало времени, а задача одна – служить своей стране. Завтра выдвигаетесь в том же направлении. Крот под нашей защитой, его имя засекречено, и прошу, не стоит устраивать разборки – бойцы выполняют и мои указания также.

Северцев чувствовал себя раздавленным, это ощущение разъедало, словно внутрь плеснули кислотой. Впервые он дал волю чувствам – и что из этого вышло? Этого следовало ожидать, но почему Зона отчуждения, возникал вопрос. Капитан понял: его не до конца посвятили в планы операции. Что же произошло на самом деле. Если он часть эксперимента и огромная территория находится в Зоне отчуждения, что с остальным миром? Вопросы... Как он ненавидел эту недосказанность! Ему вспомнились Сирия, Украина и то что «Крым наш», где официально наших бойцов не было, снова эти игры в солдатиков. Фигуры, ведомые чьей-то рукой, их дергает за ниточки кукловод, насмехаясь над своими созданиями. Нет, он не хотел быть марионеткой, Потер усталые глаза – усталость как зубная боль, только во всем теле. Романова

что-то говорила о заражении, но что имела в виду? Возможно, мутация – следствие вируса? Вирус... Он вырвался из-под контроля – интересно, что предпримут спецслужбы и кто они в этой игре: снова пешки или в их силах исправить ошибки?..

4 ноября 2022 года

Темнело. Мы потушили костер и забаррикадировались в одной из квартир на первом этаже. Большие окна заколочены, и вместо стекол старые металлические листы. До точки назначения несколько часов пути, однако выходить в каменные джунгли сейчас было равносильно самоубийству.

– Леха, посмотри, что притащил Жека! – Мелкая покрутила перед моим носом шлемом, что обычно носят омововцы. – Ребята бомбанули полицейское управление. Круто, да?

– Ага. – Я кисло взглянул на нее. – Север не выходит на связь второй день, не нравится мне это.

– Мне тоже. – Она положила шлем на диван, поверхность которого была изрезана, точно кто-то хотел убить бывшего владельца.

– Что говорит Фил?

– А что Фил? – Мелкая пожала плечами. – Все идет по плану. Мы знали, что Игорь Сергеевич скрывал от командования назначение нашего похода, и то, что нам известно, – мы часть эксперимента. Главное – найти его человека, может, тогда станет кое-что ясно.

– Идем поужинаем! – позвал Татарин. – Пока чай горячий. Не хандрите, Север говорил, что может случиться всякое.

– Я понимаю. – Мелкая подняла руку, на которой был протез с выкидным ножом. – Круто придумал папа, теперь я настоящий киборг! – она рассмеялась, но в смехе не было радости, он походил на обреченность. – Когда все закончится, вы вернетесь к нормальной жизни, а я так и останусь уродом с металлической рукой.

– Перестань. – Я попытался утешить ее. – Потом у тебя будет такая рука, что ничем не отличишь от настоящей.

– Ага, отрастет новая. – Она отвернулась, сдерживая слезы. – Идем, чай стынет.

Жека слышал наш разговор и, сжав губы, молчал. Ник вскрыв банку с тушенкой, передал ее Филу и принялся открывать следующую.

– Запасов на один день, – констатировал он. – Около заданной точки супермаркет, там подземное хранилище – было бы интересно посмотреть, что там.

– Как-никак, а питаться придется, – улыбнулся Репа. – Да, кстати, шлемы очень громоздкие – это на случай прорыва, могут пригодиться. Вы лучше скажите, что там с оружием, есть что-то вообще?

– Да, – ответил Жека, – мало: взяли парочку винторезов, стечкин один, обойм несколько. Мало все равно, нам бы РПГ найти.

– Ага, тебе только РПГ, – усмехнулся Ник. – Не перепутай, с какой стороны выхлоп.

– Завтра подъем перед рассветом, сверим часы. – Фил посветил фонариком на циферблат.

В маленькой комнате стало темно хоть глаз выколи. Звуки ночи, шорохи и скрежет не давали уснуть. Я чувствовал, как стало холодно, и засунул ладони подмышки – так стало намного уютнее. Мы лежали все вместе на поролоне, Репа заснул первым, потом и Жека, который был теплый, как грелка, а я мерз, точно бездомная псина. Мелкая не спала – я слышал ее сбивчивое дыхание, хотел заговорить, но понимал, что разбужу остальных. Она точно ждала чего-то, потом обняла меня – рука холодная, точно металлическая. Я вспомнил, что у нее

вместо искаленной руки суперкибернетическая рука-нож, улыбнулся: «Чего она так переживает...»

Кажется, еще Фил не спал – он вместе с нами лежал, закрыв глаза. Если и спал, то очень чутко. Раньше я читал, что дельфины так спят: сначала одно полушарие мозга отдыхает, потом другое, поэтому к ним не подберешься внезапно. Вот бы нам, людям, так! Страшно уснуть – кажется, что тогда обязательно что-то случится. И не хочется надеяться на других – Фил типа не спит и охраняет наш покой. Вдруг что-то случится именно в тот момент, когда сон одолеет его, и мы будем разлеплять заспанные глаза и палить во все стороны?

Сон сморил – я согрелся, и мысли постепенно уплывали, сменяя одна другую.

Меня разбудил стук. Расклеив заспанные глаза и еще не сориентировавшись, я почувствовал тычок в спину.

– Тише, это мутанты, учуяли человечинку, – прошипел Татарин.

Мы старались не шуметь, быстро проверили оружие, которое было с нами. Рычание и скрежет когтей повторились снова.

– Им не пробраться сюда, – тихо сказал Жека, – вход отлично закрыт.

– По нервам ездят. – Ник подошел поближе к забитому железными листами окну.

– Ник, – дернулась Мелкая, – не надо.

Ник обернулся и приложил палец к губам.

Скрежет прекратился. Я подошел к окну, прислушался тоже: шорохи и шаги по камням. Город не хотел засыпать – монстры вылезли на поверхность.

– Они уходят. – Он повернулся к остальным ребятам. – Только спать уже никто не будет. Через час подъем.

Внезапно около входной двери что-то грохнуло. Я отскочил в сторону и увидел, как из щелей повалил едкий дым.

– Сомневаюсь, что это мутанты, – проскрипел Фил. – На пол, черт!.. Намочить платки или какие у вас там тряпки есть, закройте лицо. Походу, дымовая шапка.

Дым был едкий, сладкий, в горле начало першить, и мы понимали, что долго не сможем здесь оставаться.

– Леха, я не вижу тебя! – крикнул Жека.

Я слышал, как ребята взводят курки, снимают с предохранителя. Фил выругался, Татарин дернул меня за руку.

– Лех, ты?

– Блин, что делать будем?!

– Надо выбираться, но мы не знаем, что там!

– Всем спокойно! – Голос Ника заставил меня еще больше занервничать. Всегда, когда говорят, что не надо волноваться, страх начинает выбираться из всех закоулков души.

Мы услышали хлопок, потом треск. Рука Мелкой вцепилась в мое запястье, мы отползли в угол, понимая, что кто-то пришел за нами. Я не знал, люди это или мутанты. Засунул сопротивляющуюся Оксанку под стол:

– Сиди тихо.

– Мы не должны прятаться. – Я слышал в ее голосе слезы. – Мы должны сражаться.

– Тихо... – Я провел рукой по ее щеке. – Побудь пока здесь, Оксан...

Выстрелы. Я не понимал, откуда они исходят. Нас что, решили нафаршировать свинцом?

– Ничего не вижу. – Жека выстрелил в туман, где метались темные тени. Остальных не было видно.

– Уходим! – закричал Ник, прорываясь вперед.

Вспышки и выстрелы, крики друзей. Я не хотел, чтобы этим все окончилось, не хотел умирать, но стоп...

В голове словно что-то щелкнуло. Мутанты не могут стрелять, они не пользуются взрывчаткой. Это люди! Но зачем они хотят убить нас?!

– Леха, надевай шлем, – услышал я Репу, он кинул мне его. Тяжелый, зараза, чуть не выскользнул из рук. Я передал его Оксанке: – Давай – может, так прорвемся. Как гайвер – смотрела?

– Гайвер? – Казалось, она не понимала меня, но послушала.

Не знаю, что помогло нам; я стрелял без разбора, когда Жека заорал во все горло: «Ура-а!!!»

Я тоже завопил, чувствуя себя солдатом или каким-то суперменом, которому все нипочем. Отстреливаясь почти что вслепую, мы вылетели на улицу. Я увидел Жеку и Репу, Оксанку, ошалелую, с выкинутым ножом на металлической руке. Татарин, раненный в плечо, пытался отстреливаться, но... упал – пули прошли его насквозь. Все как в замедленном кино: дым, крики и выстрелы, Фил выбегает вслед за Татаринем, поднимает его, тащит за собой. Жека снова стреляет, пытается прикрыть Фила, я слышу свист – пуля пролетела, чуть не задев меня. Оксанка. Оборачиваясь, вижу, как она успела отскочить в сторону. Маленькая, с громоздким шлемом на голове. Нелепо и в каком-то роде смешно выглядели мы все, но дрались точно разъяренные звери. Наш напор и это Женькино «ура», видимо, смутили нападающих, но мы отступали и теряли своих. Едкий дым заполнил легкие; я кашлял и понимал, что в данной ситуации надо бежать. Нас мало, мы не в силах противостоять чужакам. «Кому?» – задавал я тогда вопрос, но ответы пришли намного позже, чем хотелось.

Мы неслись по изуродованным улицам города. Рассвет окрашивал стены домов грязно-сизым светом. Серый рассвет окунул ржавое солнце в разлагающуюся купель из мертвых домов. Их изломы на горизонте обрели четкую линию – вектор направления, по которому лежал путь к спасению.

Впереди неслись Жека. Я оглядывался, надеясь никого не потерять. Мелкая тяжело дышала, схватившись рукой за правый бок, Репа догонял, а Фила и Татарина мы не видели.

– Стойте! – крикнул я. – Погодите, кажется, Фил и Татарин пропали!

– Татарин ранен, я видел, – выдохнул Репа.

– Надо вернуться. – Я махнул рукой Жеке. – Там ребята, Ника вообще не видел, и в убежище осталось все: оружие и рация, карта, GPS... Черт, как мы найдем человека Северцева?!

– Погоди, не кипешуй, чувак, у меня один есть. – Жека вытащил из кармана GPS навигатор. – Ребята, вам надо укрыться, а мы с Лехой вернемся, чтобы найти ребят.

– Сейчас возвращаться туда глупо, – бросил Репа. – Одним не надо идти туда...

– Стойте! – выкрикнула Мелкая. – Вон они!

Я увидел, как на глазах девочки блеснули слезы. Репа бросился к Филу – его лицо было залито кровью, а раненый Татарин еле двигался.

– Что же теперь будет?! – заплакала Оксана. – Мы не можем оставить его!

– Никто никого не кидает, – бросил ей Фил.

– Но как же инструкция? – Репа развел руками. – Если он обратится...

– Все будет хорошо, да, Ильгиз? – Он посмотрел на Татарина, который был готов потерять сознание.

– Простите меня, ребята... – Он пошатнулся и упал на руки Фила.

– Ильгиз! – Фил потряс его за плечи. – Черт, он потерял много крови, но мы должны вытащить его. Он не обратится – сейчас нет времени объяснять, просто помогите мне.

Я видел, что Татарин слабо дышит, его смуглое лицо было забрызгано кровью, а на боку расплзлось мокрое бурое пятно. «Он должен жить, он должен!» – кричало в моей голове, и, посмотрев по сторонам, я начал лихорадочно искать, из чего можно соорудить носилки.

– Кто эти люди? – спросил Жека Фила. – Ты понял, кто они?

– Конечно, – горько усмехнулся Фил.

- А Ник? – осторожно спросила Оксана. – Он остался там?
- Не знаю, я спасал Ильгиза. Надеюсь, Ник жив... А те ребята шли за нами – шли настолько тихо, что мы не заметили их. Точно призраки.
- Призраки? – нахмурился Жека.
- Ясно, – протянул я, понимая, кто послал их уничтожить нас – это были «Альфа».
- Да, Лех, – Фил сплюнул сквозь зубы, – и теперь мы в полной заднице, как говорит Север.
- Надо уходить, они снова атакуют, в этом можете не сомневаться.

12 октября 2022 года, 22:38.

Запись с камеры видеонаблюдения.

Лаборатория базы «Звезда»

В лаборатории царил полумрак. Свет был выключен, и только тусклый светильник освещал мужчину и женщину: она откинулась на спину, он, тяжело дыша, вытирал потное лицо

– Не хочу идти против отца. – Кристина застегивала пуговицы на рубашке цвета хаки. – Как мне быть, Кость? Заварить кашу заварили, а вот расхлебывать...

– Здесь у нас свои законы и понятия. – Константин склонился над ней, целуя в губы, потом скользнул пальцами по тонкой шее.

– Знаешь, – Кристина, оторвавшись от его губ, улыбнулась, – так трудно все время быть сильной. Спросишь, жалею ли я, что все пошло по-другому?

– Конечно, в какой-то степени жалеешь. – Он расстегнул только что застегнутую пуговицу на рубашке Кристины. – Не уходи, еще есть время.

– Мне надо отправиться на «Вулкан», разобраться с Северцевым. Человек там один работает, так вот он кое-что интересное рассказал. Этот Северцев что-то мутит, и я опасаясь, что он собирается узнать то, что ему знать не нужно.

– Все равно им не выбраться из Зоны, – криво усмехнулся Якорь. – Главное, чтобы Маэстро не успел оказать ему помощь.

– Не успеет. – Кристина сняла рубашку, расстегивая лифчик. С Якорем ей было как никогда хорошо. Красный огонек камеры смотрел раскаленным глазом. – Не забудь потом видео удалить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.